

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

L Soc 3975, 20

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

GIFT OF
THE UNIVERSITY

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

ПО ОТДѢЛЕНІЮ ИСТОРИКО-Филологическихъ и политико-юридическихъ наукъ.

1862.

ТОМЪ I.

ИЗДАНЫ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. ЧЕБЫШЕВА-ДИМИТРІЕВА.

КАЗАНЬ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1862.

ОЧЕРКИ АРАБСКОЙ РЪЧИ И АРАБСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ, ЧИТАННАЯ ВЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ,
12 СЕНТЯБРЯ 1861 ГОДА).

„Talis vero linguae mihi videtur esse
ratio, ut nulla in re et clarius et
verius gentis ingenium perspicatur.“

Freytagii, praefat. ad Hamasae
earm. pg. IV.

Не безъ причины высказана здѣсь мною мысль извѣстнаго германскаго арабиста г. Фрейтага, такъ много потрудившагося на пользу ориентальныхъ знаній. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, какъ не въ языкѣ народа отражается всего болѣе его умъ, его духъ и его личный взглядъ на окружающую природу? Гдѣ, какъ не въ языкѣ, мы найдемъ болѣе прямое доказательство умственныхъ сокровищъ народа и возможности совершенствованія себя? Бѣденъ понятіями народъ, скуденъ и языкъ его, какъ органъ для выраженія этихъ понятій; необходимость заставляетъ тогда прибѣгать къ заимствованію чуждыхъ словъ, чтобы вознаградить недостатокъ, замѣтный въ собственномъ языкѣ, и много лѣтъ надобно для того, чтобы въ замѣну пришло и выработалось самородное слово. Не многимъ націямъ удастся избѣжать этого вліянія до такой степени, какъ удалось аравитянамъ. Прошли цѣлыя ряды столѣтій; являлись попеременно тяготѣвшія надъ міромъ гражданственности: египетская, вавилонско-ассирійская, персидская, греческая и римская; пришли средніе вѣка и сильная воля одного человѣка, въ связи съ историческими обстоятельствами, выдвинула аравитянь на политическое и религіозное преобладаніе въ лучшихъ частяхъ свѣта; настало новое время и съ нимъ другіе дѣятели, другія стремленія, другіе жизненные вопросы — а языкъ арабскій остался почти неизмѣннымъ въ устахъ народа, говорящаго имъ, неизмѣннымъ, какъ живой родникъ, который отдѣляетъ отъ себя мелкіе ручьи, во всемъ подобные своему первообразу. И такъ, да будетъ

мнѣ дозволено, въ видѣ вступительной бесѣды къ открывшемуся въ казанскомъ университетѣ курсу преподаванія этого языка, его исторіи литературы и политической исторіи аравитянъ, дать здѣсь очерки предмета этихъ завлгій⁽¹⁾, которыя, по самой специальности своей, еще не получили полнаго права на вниманіе большинства образованной части общества въ нашемъ отечествѣ; но тѣмъ не менѣ представляютъ значительный интересъ относительно археологіи, исторіи, географіи, сравнительной филологіи и въ примѣненіяхъ къ общественнымъ, международнымъ условіямъ жизни—

---

1) Матеріалы, послужившіе преимущественно къ составленію этого чтенія, были слѣдующіе:

1) Ед. Покока, *Specimen histor. Arab.* Oxon. 1650.

2) G. Gesenii, *Scripturae linguaeque Phoeniciae monumenta etc.* Pars. I. Lipsiae 1837.

3) G. W. Freytagii, *Hamasaе carmina.* P. I. 1828. Bonnae.

4) Erpenii, *Gram. Arab. accedunt Excerpta Anthologiae veterum Arab. poetar. etc.* ab Alberto Schultens. Lugduni-Bataavorum. 1748.

5) A. Th. Hoffmanni, *Grammaticae Syriacae libri III.* Halae, 1827.

6) Edm. Castelli, *Lexicon Syriacum* curav. J. D. Michaëlis. 1788. Goettingae.

7) Silvestre de Sacy, *Mémoire sur l'origine et les anciens monumens de la littérature parmi les Arabes.* Paris. An. XIV 1805.

8) Silvestre de Sacy, *Mémoires sur diverses antiquités de la Perse etc.* Paris. 1793.

9) Fleischer, *Abulfedae historia anteislamica.* Lipsiae, 1831.

10) Ibn-Challicani, *Vitae illustrium virorum* ed. Wüstenfeld. Fasciculi XI. Gottingae. 1835—1842.

11) Haji Khalfae, *Lexicon bibliographicum et encyclopaedicum* cur. Gustavus Fluegel. Londini. 1842.

12) M. A. Lanci, *Trattato delle sepolcrali iscrizioni in eufica Tamurea e nischia lettera.* Lucca. 1840.

13) M. A. Plauti, *Poenulus.* (Ex edit. Lemaire, *Bibliotheca Classica latina*) pg. 73 et al.

14) Antonii Arydae archipresbyteri Tripolitani dialogi IV, idiomate arabico, quo hodie in Syria utuntur exarati. Въ арабской хрестоматіи Яна.

15) Bresnier, *Chrestomathie arabe-vulgaire etc.* Alger, 1846.

я говорю о практическомъ употребленіи языка. Языкъ арабскій *языкъ арабскія рѣчи* (لسان عربی مبین), какъ онъ названъ въ Коранѣ, одинъ изъ древнихъ, богатѣйшихъ и священныхъ языковъ Азіи, принадлежитъ, какъ отрасль, къ великой семьѣ языковъ Сивовыхъ, Симитскихъ (Semitarum linguae), корень которыхъ опредѣлить весьма трудно, даже невозможно, при отсутствіи прямыхъ историческихъ данныхъ (хотя многіе, и въ томъ числѣ г. Гофманъ, приписываютъ эту честь языку арамейскому), но которые въ совокупности образуютъ ідиомы, во многомъ сходные между собой по корнямъ словъ и по самому строенію рѣчи, до такой степени, что знакомство съ однимъ изъ языковъ отрасли Сивовой облегчаетъ знакомство съ другимъ языкомъ тойже вѣтви. Этотъ отдѣлъ языковъ, по моему мнѣнію и, кажется, безъ нарушенія справедливости, всего лучше можетъ быть названъ *языками арабскими* въ обширномъ смыслѣ слова; ихъ составляютъ во первыхъ діалекты уже вымершіе, уцѣлѣвшіе лишь въ немногихъ письменныхъ памятникахъ, въ названіяхъ историческихъ мѣстностей, въ собственныхъ именахъ историческихъ лицъ у древнихъ писателей, на надгробныхъ монументахъ, на медаляхъ и сосудахъ — сюда относятся языки финикійскій и пуническій (карагенскій), слѣды котораго между прочимъ можно видѣть у М. А. Плавта въ его комедіи »Poenulus«¹⁾,

16) Энциклопедическій Лексиконъ Плюшара. Спб. 1835. т. 2. стр. 453 и далѣе.

17) G. Gesenii, Thesaurus philolog. critic. linguae Hebraeae et Chaldaee veteris Testamenti. Lipsiae. 1829.

18) Arabie, par. N. Desvergers. Paris. 1847.

и 19) Jénisch, De fatis ling. oeg. commentatio, въ пред. къ словарю Менинскаго.

¹⁾ Особенно Act. V. Sc. I., гдѣ одно изъ дѣйствующихъ лицъ, карагенянинъ Ханнонъ, говоритъ по карагенски (punicè) стихами. Эта рѣчь Ханнона отчетливо реставрирована, на основаніи другихъ памятниковъ и при пособіи еврейскаго языка, извѣстнымъ знатокомъ симитскихъ древностей, Гесеніусомъ. Замѣчательно, что прежде этого ученаго, ни Бохартъ, ни Бартелеми, ни Беллерманъ и друг. толкователи карагенскихъ стиховъ у Плавта, не обращали вниманія на переводъ ихъ, хотя недословный, однако сохраненный самимъ Плавтомъ и начинающійся словами: Deos deasque veneror, qui hanc urbem colunt etc. (Gesenii, Scrip. ling. Phoen. mon. P. I. pg. 366

въ надписяхъ, найденныхъ на островѣ Мальтѣ, въ Сардиніи, въ другихъ мѣстахъ карфагенскихъ поселеній и въ настоящее время болѣе или менѣе удачно объясненныхъ Гезеніусомъ, Мункомъ, Соси, (Sausy), Беллерманпомъ ⁽¹⁾ и другими учеными; дагѣе, языкъ евреевъ, живущій въ священныхъ бытописаніяхъ еврейскаго народа и діалектъ этого языка, извѣстный подъ именемъ раввинскаго; потому языки симитскіе отрасли арамейской, такъ названые отъ слова Арамъ, означающаго Сирію и Междурѣчье (Месопотамію), въ противоположность Ханъану или »Низменности»: они заклю-

сѣт.). Въ этихъ карфагенскихъ стихахъ римскаго кошана встрѣчаются и чисто-арабскіе корни. Такъ въ первомъ стихѣ *алонимъ* и *алонуть* (вышніе и вышнія) имѣютъ корень арабскій или, скорѣе, общесимитскій глаголъ *ала* (былъ высокъ); *зикарти* (славлю) арабское *закарту* славлю, вспоминаю; *симакомъ* (это мѣсто, буква с, по замѣчанію Гезеніуса, есть сокращенное мѣстоименіе еврейскаго указательнаго мѣстоим. *ашеръ* тотъ который) арабское *макамъ* мѣсто; *зита* араб. *за* этотъ. Во второмъ стихѣ: *истиаль* арабскій корень *саала* спрашивалъ и еврейск. *шааль*. Въ 3-мъ стихѣ: *бимъ-ази* въ арабск. *бемъ-ази* сынъ брата моего; *ядиди*, какъ думаетъ читать Гезеніусъ по образцу Беллерманна, имѣетъ въ арабскомъ языкѣ равносильное *уадуди* мой возлюбленный. Въ 4-мъ стихѣ общіе арабскому языку корни: *рубасъ*, *роббъ*, *силлоидмъ* (араб. *легомъ*) для нихъ. Въ 5-мъ стихѣ: *моутъ* (смерть) общесимитское слово, *охдтъ* (братство) араб. *охбватъ*, *ли-ве-лекъ* (мнѣ и тебѣ) арабское *ли-ве-леке*. Въ 6-мъ стихѣ: *исъ* (еврейск. *ишъ*, арабск. *инсанъ*) мужъ, человекъ; *лифуль* (для дѣла) арабск. *лифи'ль*. Въ 7-мъ стихѣ: *змммъ* (арабск. *хунâ*) здѣсь. Въ 8-мъ стихѣ: *еманати* (*foedus meum*) арабское *еманати* моя довѣренность. Въ 9-мъ стихѣ: *убу-лмъ* (*regiones*) арабское: *зибель* или *джебель* гора. Въ 1-мъ стихѣ: *боди* (по Гезеніусу сокращенная форма *абди* и *ободы* рабы), арабское *абдъ*, *абидъ*, *ибадъ* рабы; *самъ* имя, арабское *исмъ*, гдѣ буква и приставлена для благозвучія и называется алифомъ соединительнымъ.

¹⁾ Phoeniciae linguae vestigiorum in Melitensi. Spec. I. Berolini 1809. и его же: De Phoenicum et Poenorum inscriptionibus. Berolini. 1810. Мнѣніе Беллерманна, что въ языкѣ мальтійцевъ сохранилась извѣстная примѣсь финикійско-пуническаго элемента, не лишено основанія, если принять въ расчетъ древнюю колонизацію острова Мальты Финикійцами.

чаютъ въ себѣ діалекты вавилонскій или халдейскій, самаританскій и сирійскій, довольно богатый наметками письменности, въ числѣ которыхъ можно указать на сирійскую хроникку Абу-ль-Фараджа (Баръ-Ебрея, род. 1226, ум. 1286 по Р. Х.), на переводы Евангелія и на творенія отцевъ церкви—Еврема Сирскаго (IV в. по Р. Х.), Феодора Моисуста (V в. по Р. Х.¹⁾); за тѣмъ слѣдуютъ живые языки: абиссинскій (эіопскій, амгарскій), а потому обильнѣйшій изъ всѣхъ семитскихъ языковъ умственнымъ произведеніями и замѣчательно-обработанный въ отношеніи грамматическомъ—языкъ собственно арабскій. Онъ, кромѣ общепринятаго ему дѣленія на книжный и народный (لغة العامية لغة التجوية) дробится въ устахъ народа на отдѣльныя нарѣчія, болѣе или менѣе удаленныя отъ языка книжнаго, ученаго; однако, главнымъ образомъ, состоитъ изъ двухъ отраслей восточной и западной, на

---

¹⁾ Языкъ сирійскій причисленъ г. Гофманномъ, на основаніи извѣстій Вольнѣ и др. путешественниковъ (въ противность мнѣнію Нибура) къ нарѣчію уже вымершему, употребляемому только при богослуженіи у сирійскихъ христіанъ: Маронитовъ, Якобитовъ, Несторіанъ и Мельхитовъ. (Сf. Hofmann, Gram. Syr. pgg, 33 et sqq). Между тѣмъ нельзя пренебречь свидѣтельствомъ извѣстнаго ученаго сирійца Антонія Арыды, который, объяснивши, что сирійскій языкъ назадъ тому столѣтѣ употреблялся въ различныхъ областяхъ Сиріи, а преимущественно на горѣ Ливанской, въ окрестностяхъ Бошрае и Тараблуса (Сирійскаго-Триполи), прибавляетъ, что жители двухъ деревень вблизи Дамаска, Маалюле и Сайденал, хотя греки-мельхиты; однако кромѣ арабскаго языка говорятъ также сирійскимъ, очень-испорченнымъ, далекимъ отъ настоящаго. Этотъ же ученый говоритъ дагѣ: «что касается сирійскаго языка въ отношеніи къ городамъ Сиріи, то онъ употребляется лишь въ церковномъ чинѣ (фи-рутбатъ-эль-кенісе). Говорю (слова Арыды)—въ отношеніи къ городамъ Сиріи—потому-что какъ извѣстно въ Мосулѣ и въ окрестностяхъ Маредива сирійскій языкъ обращается въ народѣ повсемѣстно. Я самъ бесѣдовалъ съ нѣкоторыми изъ жителей этихъ городовъ—продолжаетъ Арыда—кромѣ языка арабскаго, они говорятъ также и по сирійски (атакеллемуна-ссоріанійята-айдазанъ); но какъ это бываетъ за обычай, языкъ ихъ испорченъ, уклоняется отъ настоящаго». Jahn, Arab. Chrest. Dial. IV. Это указаніе подтверждаетъ слова Нибура.

долю первой выпадают нарѣчія, употребленыя въ Сиріи (Шамѣ), въ Египтѣ, въ Хеджазѣ и на весь Джезирагъ-эль-арабъ (арабскомъ полуостровѣ), гдѣ опять слышатся дробныя нарѣчія у племенъ Бедуинскихъ, западная-же отрасль принадлежитъ Алжиру (Альджезире) и всему африканскому побережью средиземнаго моря, Фецу, Марокко (Марокешъ), Тунису, острову Мальтѣ (крайне-поворотный діалектъ¹⁾), даже острову Мадагаскару — и всюду съ известными, конечно, отгѣнками, такъ что, при нѣкоторомъ ограниченіи, можно допустить, что арабская народная рѣчь, какъ языкъ торговли, путешествій и религіи, слышится въ лучшей части материковъ азіатскаго и африканскаго; еслиже прибавить сюда повсемѣстное у мусульманъ изученіе корана и мусульманской юриспруденціи, основанной на коранѣ, то найдемъ, что арабскій языкъ, какъ языкъ религіи и школы, господствуетъ еще въ степяхъ и городахъ Средней-азіи, въ Индостанѣ (между мусульманскимъ населеніемъ) въ пустыняхъ Сахары, частью въ Суданѣ, въ Персіи, въ Афганистанѣ, въ Турціи и въ Россіи, между мухаммеданами. Обитатели поименованныхъ краевъ, мусульмане, хотя говорятъ мѣстными языками, но принади въ письмѣ алфавитъ арабскій съ нѣкоторыми измѣненіями или прибавленіями. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ господствуетъ народный арабскій языкъ, письменный или книжный языкъ изучается въ школахъ (медресахъ, мектебахъ) и служитъ языкомъ литературы; впрочемъ, если вѣрить свидѣтельству ученаго сирійца Антонія Арыды, то не существуетъ особенной разницы между языкомъ книжнымъ и рѣчью народа, по крайней мѣрѣ мѣсль Арыды омазывается вполне справедливо въ приложеніи къ формамъ діалекта, употребляемаго въ Сиріи²⁾. Я нарочно приведу здѣсь мнѣніе Арыды, выраженное въ его трактатѣ о различіи книжнаго и народнаго языковъ. — »Между араб-

1) Самое названіе этого острова *Melite* на языкѣ финикійскомъ значить: *убѣжище, столица*, какъ замѣчаетъ Бохартъ и, вслѣдъ за нимъ, Гезеніусъ. Cf. *Script. ling. Phoenic. monumenta*, Par. I. pg. 92.

2) См. *Grammaire de la langue arabe vulgaire et littérale*, par Savary. Paris. 1813. Разговоры, помѣщенные авторомъ въ концѣ своего труда, почти не даютъ чувствовать никакой особенной разницы въ нарѣчіи народномъ сравнительно съ языкомъ книжнымъ, исключая очень немногихъ формъ.

скимъ народнымъ языкомъ и языкомъ книжнымъ (говорить онъ). нѣтъ того различія, какое замѣчается между латинскимъ и нынѣшнимъ итальянскимъ. Разница эта походитъ на разницу, существующую здѣсь, въ нѣмецкомъ языкѣ (слова Арыды). между рѣчью простолудія и рѣчью установившейся, какую молодые люди изучаютъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Но труды, сопряженные съ изученіемъ арабскаго книжнаго языка, значительнѣе тѣхъ, какіе требуются при изученіи языка нѣмецкаго, во-первыхъ потому, что основанія арабскаго языка и его обороты многочисленнѣе и труднѣе, а во вторыхъ, арабскій языкъ своей обширностью, краснорѣчіемъ, обиліемъ словъ и значеній (ме'ави) превосходить прочіе извѣстные языки и до такой степени, что найдется много сочиненій, гдѣ простой народъ не можетъ понять даже ни одного предложенія (1). Это самое внушило нѣкоторымъ мысль, будто бы народный языкъ отличенъ отъ книжнаго, ученаго; въ существѣ, оба языка составляютъ одинъ и тотъ же, только богатство послѣдняго и обиліе его многочисленныхъ значеній дѣлаютъ его затруднительнымъ для невучившихъ его въ совершенствѣ. Однако при этомъ я не отвергаю (продолжаетъ Арыда), что народъ изобрѣлъ вновь разныя слова и выраженія, несоответственныя арабизму; но какъ-бы то ни было, только подобныя вещи можно считать ничтожными, если брать во вниманіе обширность и обиліе арабскаго языка. Эти новыя слова не встрѣчаются никогда ни въ письменности, ни въ арабскихъ словаряхъ, которые соблюдаютъ неизречимыми отъ всякой примѣси и новыхъ словъ; такія рѣченія обращаются лишь въ народѣ, какъ напр. *мидфѣа* пушка, собственно: орудіе, которое отталкиваетъ, отгоняетъ; *бондокие* мортира, собств. венеціанка, потому что первое орудіе въ этомъ родѣ привезено къ намъ изъ Венеціи, *барудъ* порохъ, потому что зерна его походятъ на желѣзные опилки (2).«

Мысль о тождествѣ арабскаго книжнаго и арабскаго народ-

---

1) Это обиліе арабскаго языка, какъ видно изъ исторіи арабской литературы, было причиною обстоятельства, что нѣкоторые писатели, желая быть понятными для большинства читающей публики, комментировали сами свои произведенія.

2) Едва ли это слово не греческое, произведенное отъ *πυρ*, Персіане произносятъ: *барутъ*.

наго языка поддерживана также и г. Bresnier, профессоромъ арабскаго языка въ Алжирѣ: въ предисловіи къ своему сочиненію ⁽¹⁾ онъ старается доказать, что дѣленіе арабскаго языка на книжный и народный (*arabe vulgaire et arabe littéral*) ничто иное, какъ укоренившійся предрасудокъ и если составленное имъ самимъ г. Брешье руководство названо *chrestomathie arabe-vulgaire*, то это сдѣлано *съ той цѣлію, чтобы преждевременно не идти наперекоръ общему предрасудку*. Между тѣмъ я съ своей стороны долженъ замѣтить, что народный арабскій языкъ въ нѣкоторыхъ арабскихъ нарѣчіяхъ значительно отступилъ отъ формъ языка книжнаго, ученаго и кажется непонятнымъ съ перваго раза для изучавшихъ только языкъ книжный, особенно по причинѣ быстрого произношенія гласныхъ и придачи къ корнямъ нѣкоторыхъ буквъ, въ противность языку книжному. Въ народномъ языкѣ рѣдко встрѣчается двойственное число въ глаголахъ и въ именахъ; въ немъ усѣкаются также конечные гласные знаки въ произношеніи. Такъ наприм. вмѣсто книжнаго произношенія фразы: *yud asfaru mim-эль-хуфй* (онъ побѣдилъ, собств. пожелалъ, отъ страха) современный арабъ произнесетъ ту же фразу: *yu asfaré mim-эль-хуфй*. Лучшая и чистѣйшая арабская рѣчь слышится въ Сиріи, въ Еменѣ ⁽²⁾ и у арабовъ пустынныхъ, хотя нѣкоторые поколѣнія бедуиновъ выговариваютъ нныя буквы совершенно особенно, нежели это водится въ языкѣ книжномъ; такъ наприм. вмѣсто *к* произносятъ *ч* (*кѣльбѣ* собака, у нѣкоторыхъ бедуиновъ *чельбѣ*). На Ливанѣ самая правильная арабская рѣчь слышится въ Дейръ-эль-Камарѣ, даже чище, нежели въ Алеппо (*Хѣлебѣ*) и Дамаскѣ ⁽³⁾.

¹⁾ Chrest. arabe-vulgaire, par Bresnier. Alger, 1846. pg. 2, 3.

²⁾ М. Herbin въ своемъ руководствѣ »Développemens des principes de la langue arabe moderne, Paris. 1803.« говоритъ, что *Еменское нарѣчіе мало разнится отъ языка, которымъ говорили тамъ назадь тому мною столтій и почти подходитъ на то, какимъ писанъ коранъ*. И такъ, лучшей арабской рѣчью можно бы назвать ту, которая приближалась бы къ языку поэмъ Аравіи и къ языку корана.

³⁾ Какъ мало отклонилась арабская народная рѣчь отъ книжнаго языка преимущественно въ Сиріи, я могу доказать напр. частнымъ письмомъ изъ Мосула, писаннымъ въ 1855 г. Надѣюсь,

Симитские языки, за исключеніемъ эоіопскаго или абиссинскаго (амгарскаго), слѣдуютъ общей системѣ письма отъ правой руки къ лѣвой¹⁾. Гофманнъ въ своей сирійской грамматикѣ старается доказать, что древнѣйшее письмо симитскихъ народовъ есть письмо вавилонское, основываясь на томъ, что древніе вообще неясно различали ассирійцевъ, сирійцевъ, халдеевъ и вавилонянъ, а также руководствуясь изысканіями Рейнда, Мюнтера и др. »Гораздо достовѣрнѣе говорить оныя что финикійцы были только распространителями письменности на западъ и что между симитскими

миъ извинять, если часть изъ него я приведу здѣсь въ подлинникъ: من بعد اهداكم اوفر البركة الرسولية مع جزيل السلام بالرب من ذلك ان كان نسال (كُنْتَّ—бы надобно) من كرم الباري في حال الصحة والعافية موجودين التي نرغب من كرمه تعالى مثلها لبنوتكم ثم قبلها اذا كان رسلنا (كُنَّا. ви.) لكم تحرير اخر وبه اخبرناكم عن جواب تحريركم وسأيلتم (سالتم. ви.) عن خوانكم (اخوانكم. ви.) وعن اهلكم قد جا لنا الجواب من السيد..... وبه يخبرنا باهلكم وخوانكم في حال الصحة موجودين وكيفهم (кейфъ, слово народное) ملج ومنهم عن قريب يجي لنا تحرير ايضا بموجب ماخبرونا

1) Неизвѣстно: по какому случаю въ статью энциклопед. лексикона, Плюшара Амгара, Амгарскій языкъ (т. 2 стр. 82 изд. 1835 г.) вкралась небольшая ошибка? Составитель статьи выражается, что «амгарскій, какъ и другіе эоіопскіе діалекты, пишется, подобно арабскому и еврейскому, отъ лѣвой руки къ правой.» Это мнѣніе справедливо въ отношеніи абиссинскаго (эоіопскаго) языка; но неправильно въ отношеніи прочихъ симитскихъ языковъ, равно какъ надписей палмырскихъ и финикійско-пуническихъ, которыя читаются отъ правой руки къ лѣвой. Во всякомъ случаѣ, если допустить опечатку, то погрѣшность будетъ противъ абиссинскаго алфавита. Въ алфавитахъ, изданныхъ въ 1631 г. въ Римѣ обществомъ »de propaganda fide«, приложенъ и алфавитъ абиссинскій, буквы

народами честь изобрѣтенія буквъ принадлежитъ арамеѣдамъ (вавилонянамъ), преимущественно обработавшимъ свою рѣчь. Въ этомъ случаѣ не надобно опускать изъ виду того обстоятельства, что названія греческихъ буквъ, безъ сомнѣнія перешедшія къ грекамъ вмѣстѣ съ самыми знаками, поставлены съ членомъ на концѣ, или, за неизмѣнѣть его въ языкахъ семитскихъ арамейской отрасли, in statu emphatico чрезъ наращеніе *a*. Сверхъ того, нація, совершенно-преданная мореплаванію и торговлѣ, каковы были Финиціане, едва-ли бы могла заимствовать названія буквъ отъ именъ животныхъ или отъ предметовъ, болѣе касающихся быта земледѣльческаго или пастушескаго: она скорѣе обратилась бы въ этомъ случаѣ къ названіямъ тѣхъ предметовъ, которые всего болѣе могутъ интересовать морехода и купца и которые находятся ближе къ нему.^а Я не буду слѣдить здѣсь за измѣненіями и постепенными переходами алфавитовъ: вавилонскаго, финикійскаго, самаританскаго и пальмирскаго, алфавитовъ крайне-некрасивыхъ, которые со-временемъ преобразились въ сирійское эстрангело⁽¹⁾ или въ письмо несторианское или въ квадратное письмо халдеевъ, перешедшее

котораго, въ переводѣ св. Евангелія отъ Іоанна (гл. I) сопровождаются подстрочной латинской транскрипціей слѣва на право, а прочіе семитскіе алфавиты читаются съ права на лѣво.

¹⁾ Хотя нѣкоторые выводятъ названіе сирійскаго эстрангело отъ греческаго слова *στρογγύλος* *крулый*; однако достовѣрнѣе согласиться съ Михаелисомъ и Адлеромъ на производство этого слова отъ двухъ словъ: арабскаго *инджумль* или *иниль* *евангеліе* и сирійскаго *ситрь* *письмо*, что будетъ означать *«почеркъ, который преимущественно пишется евангаліе»*. Cf. Ed. Castelli, Lexic. Syr. sur. Michaëlis. Goet. 1788 pg. 55. Это древнѣйшее сирійское письмо, употреблявшееся преимущественно до 800-го года по Р. Х. Впрочемъ уже въ 548 году по Р. Х., какъ опредѣляетъ это Адлеръ при описаніи сирійскихъ ватиканскихъ рукописей, былъ въ ходу и обыкновенный сирійскій почеркъ. Надобно думать, что почеркъ *эстрангело* болѣе употреблялся при заглавіяхъ въ священныя книги; тоже можно сказать на счетъ такъ называемаго двойнаго сирійскаго почерка, гдѣ каждая буква обводится вдвое для красоты и ничуть не разнится отъ крупнаго эстрангело.

потомъ въ еврейскъ, или въ новосирійское письмо или въ арабское куническое, образовавшееся изъ сирійскаго эстрангело, а изъ куническаго обратимпееся въ нынѣшній арабскій почеркъ несхи— а еще коснусь этого предмета, хотя отчасти, при изслѣдованіи собственно-арабскихъ почерковъ.

Не подвержена сомнѣнію важность знанія арабскаго языка для тѣхъ, кто захотѣлъ бы короче ознакомиться съ мусульманскою цивилизаціей, подъ которой, помимо національностей, я равнымъ отпечатокъ, характеръ, придаанный арабами народамъ, или завоеваннымъ; силою меча арабы-мухаммедане заставили ихъ отказаться отъ всего роднаго, даже въ иныхъ случаяхъ отъ собственнаго языка, тѣмъ болѣе отъ гражданскихъ законовъ, заповѣдей корана и преданіями, дошедшими отъ Мухаммеда и его ближайшихъ асхабовъ (сотоварищей) и табіевъ (послѣдователей). Въ самомъ дѣлѣ ни одинъ изъ подчинившихся исламу народовъ не умѣлъ, или, лучше сказать, не могъ сохранить вполне свою самостоятельность; потому-что коранъ преобразилъ не только внѣшнюю сторону жизни ихъ, но даже коснулся и семейнаго быта, такъ что можно сказать, будто Мухаммедъ старался сплавить отдѣльныя націи и образовать изъ нихъ общее братство, провозвѣщаемое арабскимъ учителемъ въ его вѣрванѣ. Обратимъ ли вниманіе на Персію? здѣсь выразилась рабская покорность постороннему вліянію: богатый языкъ парсовъ, индо-германская отрасль, принимавъ въ себя большой запасъ словъ и выраженій арабскихъ, которыхъ не избѣгаетъ даже сельское населеніе — до такой степени они укоренились у персіянъ. Языкъ турецкій, и особенно его образованнѣйшее нарѣчіе османское, не чуждъ этой примѣси, да кромѣ того онъ заимствовалъ для себя довольно словъ персидскихъ и я, не опасаясь преувеличенія, могу высказать, что кто желаетъ вполне усвоить литературный языкъ османовъ, тотъ долженъ достаточно ознакомиться и съ арабскимъ и съ персидскимъ языками, потому что, наприм. встрѣчаются цѣлыя турецкія фразы, гдѣ употребленъ только турецкій глаголъ, изрѣдка чисто-турецкое слово, надежныя окончанія и частицы, а прочее—смѣсь арабскихъ словъ съ персидскими. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, я укажу на извѣстную константинопольскую газету *«джериде-и-хавадисъ»*, на твореніе Сеида-Мухаммеда-Ризы *«семь планетъ-исторія крымскихъ хановъ или на «Сефареть-намѣ» Вахидъ-эфенди, изданномъ*

въ 1843 году, въ Парижѣ. Кромѣ того, къ чисто религіозному преобладаю арабскаго языка у мусульманъ въ ихъ школахъ способствуетъ и самое богатство арабской литературы, классическія произведенія которой во всякое время служили образцами для поэтовъ и прозаиковъ персидскихъ и турецкихъ, не говоря уже о бѣдной письменными памятниками литературѣ тюркистанцевъ и татаръ.

Были ли арабскія племена аборигенами Аравіи или прикочевали съ сѣвера, съ Месопотамскихъ равнинъ, вслѣдствіе какого-либо политическаго, неизвѣстнаго исторіи, переворота—это относится къ области гипотезъ, недоказанныхъ фактами. Извѣстно лишь достоверно, что съ незапамятныхъ временъ названіе Аравіи придается всему арабскому полуострову, который слыветъ у жителей края то подъ именемъ *арабскаго острова* (джезиратъ-эль-арабъ⁽¹⁾), то подъ именемъ арабскихъ областей (биладъ-эль-арабъ), а у персіянъ подъ именемъ арабистана. Жители полуострова именуются аравитянами, арабами; въ библейскихъ сказаніяхъ они нерѣдко называются исмаильянами и »Бени-Кедемъ« сынами востока⁽²⁾, у византійцевъ агарянами, а въ средніе вѣка сарацинами (sagaceni, sagasin) отъ испорченнаго арабскаго слова *шаркійюкъ* и *шаркіймъ* (житель востока), въ противоположность *сарбіюкъ*, *сарбіюмъ* и *маиребіюмъ* (житель запада, мавръ⁽³⁾). Одни производятъ названіе Аравіи отъ еврейскаго слова *арабъ* обширная пастбища, пустыни, другіе отъ сирійскаго »*арабъ*« сѣшпывать, по причинѣ сѣшпавшаго населенія полуострова⁽⁴⁾, иные, какъ наприм. Мотаррези, цитиро-

---

¹⁾ Слово: *джезира* или съ членомъ *альджезира*, хотя означаетъ *островъ*, какъ наприм. въ названіи Месопотаміи по арабски; но въ названіи Аравіи и Алжира принимается въ смыслѣ полуострова.

²⁾ Cf. Gesenii, Thesaur. philolog. criticus linguae Hebraeae et Chaldaeae veteris testamenti. Lips. 1829. pg. 217, подъ словомъ *белъ*. Извѣстно, что изобрѣтеніе письменъ приписывается также Кадму.

³⁾ *Маиребъ* западъ, западные края, противопологается слову *маирекъ* (или *маирикъ*) востокъ. Мнѣнія о различныхъ названіяхъ Аравіи и арабовъ подробно рассмотрѣны у Эд. Покока въ выше-приведенномъ сочиненіи, стр. 33.

⁴⁾ Въ сирійскомъ словарѣ Эди. Кастелли, изданномъ особо Ми-

ванный у Покока въ его »Обозрѣніи исторіи арабовъ«, выводитъ названіе это отъ Арабы, части провинціи Тегамы, нѣкогда ваян-той Исмаиломъ. Въ самомъ же арабскомъ языкѣ коренной, по видному, глаголь *аруба* значить: арабская рѣчь была чиста, *изъята отъ погрѣшностей*, а производныя отсюда существительныя *урубѣ*, *урубійѣ* арабизмъ. (عرب عربیه عربیه).

На обширномъ арабскомъ полуостровѣ, который, по образованію своей почвы, скорѣе служитъ какъ бы продолженіемъ великой африканской пустыни, прерываемой лишь долиною Нила и Чернымъ моремъ (бахрѣ-эль-ахмаръ), обитатели издревле дѣлятся на осѣдлыхъ и кочевыхъ; послѣдніе обыкновенно называются »бадаме пустынными или *вахль-эль-убабуръ*« народомъ шерсти, по причинѣ шатровъ своихъ, крытыхъ тканьемъ изъ овечьей или верблюжьей шерсти—въ противоположность горожанамъ—и этому кочующему населенію преимущественно придается названіе »арабиа. Есть преданіе, удержанное и алкораномъ, будто древнія арабскія колѣна: Адъ, Тамудъ, Тесмъ, Джадисъ и Джорхомъ погибли за свои беззаконія и что слѣдующія поколѣнія уже возникли отъ Бверова сына Кахтана (Юктана въ библіи) и отъ Аднана, одного изъ потомковъ Исмаила—первый, Кахтанъ, считается родоначальникомъ чистыхъ арабовъ, а другой арабовъ—пришельцевъ; такимъ образомъ арабскіе генеалоги (нессабунъ) выводятъ многіе роды отъ Кахтана, каковы, наприм., могущественныя племена Химъяръ, Кагданъ, Аадъ, Тай, Кинда, Гассанъ, Аусъ, и отъ Кидара, одного изъ сыновъ Исмаила. Замѣчательныя изъ колѣнъ арабовъ—пришельцевъ: Баэль, Бекръ, Таглѣбъ, Шейбанъ, Аназе, Мазень, Абсъ, Даобъянъ. По единодушному свидѣтельству арабскихъ авторовъ красота рѣчи и вкусъ къ поэзіи составляли неотъемлемую принадлежность этихъ до мухаммеданскихъ арабовъ, такъ что Сафаді, одинъ изъ комментаторовъ поэмы Тограй, замѣчаетъ, будто арабы въ древности, до Мухаммеда, могли только гордиться своимъ ме-

---

хаелисомъ 1788 г. въ Гёттингенѣ, на стр. 672 находятся слѣдующія значенія глагола »арабъ смѣшивать, закамываться (говоря о солнцѣ), спать ситомъ. »Арбоа арабъ, исмаильтъянинъ. Въ раббинскомъ діалектѣ, если не ошибаюсь, есть также глаголь *арбебъ* съ значеніемъ смѣшивать.

чень, гостеприимством и красноречіем—и поэтическая рѣчь ихъ всегда рimesованная (арабскіе не извѣстны бѣлые стихи) называлась навязанною «мендзумъ», въ противоположность рѣчи «разсказанной» *ментсуръ*, какъ они называютъ прозу. Памятниками до-исламическаго періода Араміи служатъ болѣею частью пѣсаніи, которыя замѣняютъ такимъ образомъ ощутительный недостатокъ туземныхъ историческихъ матеріаловъ, не восходящихъ до глубокой древности, какъ полагалъ Альбертъ Схультенсъ (1) и что всего удивительнѣе—пѣсни, полныя глубокаго вдохновенія, такъ что, по ихъ художественной отдѣлкѣ, не хочется вѣрить, чтобы это были произведенія простаго сына пустыни. Въ ряду поэтовъ древности находятся и женщины. Не говоря уже о семи поэмахъ «правдивныхъ» (моаллакатъ) къ Меккскому храму и относящихся къ эпохѣ близкой къ появленію Мухаммеда, изъ которыхъ двѣ моаллакага Амру-бей-Кельтума и Харетса-бей-Хиллзы могутъ назваться судейскими рѣчами въ защиту обоюдныхъ правъ племенъ Басръ и Таглубъ, я рѣшаюсь указать на цѣлый сборникъ пѣсенъ, полученный отъ своей первой главы «хамасы» (военная доблесть) названію Хамасы (2).

Другой, не менѣе замѣчательный рядъ пѣсенъ, собранныхъ Абу-ль-Фараджемъ Испаганскимъ, называется «китабъ-эль-аганна» (книгой пѣсенъ); кромѣ того дошла до насъ довольно большія поэмы Шафара, Набига-Дзобляни, павегарнета Мухаммеда Каба-ба-бей-Зогейра, Аша-бей-Маймуна, котораго поэма иногда причисляется къ моаллакамъ и значительное количество народныхъ пословицъ, имѣвшихъ началомъ какой-либо историческій фактъ или вращавшихся въ народѣ, какъ присловья. Въ большихъ поэмахъ, каковы, напр., моаллакатъ, поэтъ въ первыхъ стихахъ обыкновенно начинаетъ оплакивать разлуку съ своей подругой—это было усле-

1) Попытка Схультенса въ «Monum. vetust. Arab.» довести древность нѣкоторыхъ поэтическихъ отрывковъ до времени Соломона оказалась безуспѣшной и легко опровергнута Силье де Саси въ его *Memoir. sur la litterat. des Arabes.* pag. 113—127.

2) Абу-Теммамъ-Хабибъ-бей-Аусъ приобрѣлъ себѣ благодарность потомства за приведеніе въ порядокъ Хамасы, этого прекраснаго памятника древней Араміи. Умеръ 231 или 232 г. геджры.

віснъ и требованіемъ времени—потомъ уже переходитъ къ главному предмету, къ содержанію поэмы; напротивъ въ мелкихъ стихотвореніяхъ, какъ въ стихахъ Хамасы, приступъ начинается прямо, съ главной мысли, занимающей поэта, такъ-что эти небольшія пѣсни, надобно полагать, являлись въ видѣ импровизацій и по преданію, переходя изъ устъ въ уста, достигли до поздняго потомства, часто съ многочисленными вариантами (1) и прибавленіями. Кочевой и воинственный бытъ араба, безпрестанныя столкновенія независимыхъ племенъ, переходы съ мѣста на мѣсто, любовь, кровомщенье, которое тянется на долгіе годы, пораженіе непріятеля, похвалы себѣ и своему племени, описаніе коня и верблюда, занимающее, какъ напр. въ моллехъ Тарды, почти треть

1) Самъ коранъ изобилуетъ подобнаго рода вариантами, но здѣсь разладаца въ чтеніи часто происходитъ отъ разстановки гласныхъ знаковъ. Стоитъ только припомнить главу корана Румъ (Грени), гдѣ начало совершенно измѣняется въ два противныя понятія при двухъ разныхъ чтеніяхъ гласныхъ знаковъ: въ одномъ случаѣ пророчество Мухаммеда гласитъ что «Греки въ ближайшихъ мѣстахъ были побѣждены, но опять, послѣ этого пораженія, они непременно останутся побѣдителями въ скоромъ времени, и по другому чтенію выходитъ, что Греки въ ближайшихъ мѣстахъ остались побѣдителями, но опять, послѣ этой побѣды, они непременно будутъ побѣждены въ скоромъ времени.» По этому случаю Симвестръ де Саси очень хорошо замѣчаетъ, что Мухаммедъ, любимый иногда высказаться въ прорицанія, нарочно приберегалъ для себя, на случай неудачи, подобныя двусмысленныя выраженія. Mémoires sur l'orig. et les anc. mœurs de la Littér. parmi les Arabes. 1805 pg. 100. Надобно сказать, что мухаммедане въ упомянутомъ здѣсь выраженіи корана видятъ прямое доказательство дара Мухаммедова прозрѣвать будущее; но какъ этотъ стихъ не представляетъ никакого достаточнаго историческаго факта и можетъ быть примѣненъ или къ побѣдамъ Грековъ надъ Персами или Персовъ надъ Греками эпохи Мухаммеда, то арабскіе комментаторы сами расходятся въ мнѣніяхъ на счетъ того облысь или нѣтъ это предвѣщаніе, къ какой мѣрѣ, въ какомъ мѣстѣ,—и доускаютъ, чтобы объяснить дѣло, крайне-произвольныя, вяннутыя толкованія.—Cf. L. Marcet, Aleut. Refutationes in Sur. XXX, pgg. 541, 542. Patavii, 1698 an.

поэмы и, наконецъ, изображеніе явленій природы: миража, молніи, дождя — вотъ тѣ особенныя черты, которыя передала намъ поэзія пустыни, до времени Мухаммеда. Я беру въ образецъ небольшую импровизацію, помѣщенную въ Хамасѣ; два племени Бени-Шейбанъ и Бени-Мазенъ открываютъ военныя дѣйствія и шейхъ или начальникъ племени Мазенъ, отъ лица всѣхъ своихъ родичей, въ слѣдующихъ стихахъ, которые я передамъ отдѣльно, такъ отъчасти на вызовы племени Шейбанъ:

- Ст. 1.* »Сыны Шейбана, удержитесь нѣсколько отъ вашихъ угрозъ: завтра-же встрѣтите коней моихъ около Сафавана! ⁽¹⁾.
- Ст. 2.* Встрѣтите благородныхъ коней, которые не уклоняются отъ боя, столкнувшись въ тѣсной схваткѣ;
- Ст. 3.* На нихъ сидятъ блистательные, закованные въ латы, всадники племени Мазенъ — львы въ сраженіяхъ, когда надобно наносить удары копьями.
- Ст. 4.* Вы встрѣтитесь съ ними и узнаете каково ихъ терпѣніе противъ бѣдствій, что влечетъ на нихъ рука судьбы!
- Ст. 5.* Они безпрестанно идутъ впередъ и шаги ихъ въ битвѣ неразлучны съ двулезвийнымъ Йеманскимъ мечемъ;
- Ст. 6.* Когда ихъ просятъ помочь, они не допытываются у того, кто зоветъ ихъ: на какую войну (надобно идти) или въ какое мѣсто?

Въ другомъ небольшомъ стихотвореніи въ честь семейства Мохаллеба одинъ поэтъ-импровизаторъ тамъ же въ Хамасѣ, въ главѣ »Похвалы», выражается такъ на счетъ этой фамиліи — и смѣлая мысль и гармоническій стихъ подлинника заслуживаютъ вниманія:

»Семейство Мохаллеба покрыто доблестями, до какихъ, даже приблизительно, не достигалъ ни одинъ кочевой арабъ. Если бы кто нибудь сказалъ славу: слава, отступи, покинь это семейство и возьми за то все, чего ни пожелаешь въ этомъ мірѣ — слава не отступила бы отъ нихъ! Доблестныя дѣла — это души и члены семьи Мохаллеба преимущественно предъ всѣми людьми служить

---

¹⁾ Колодезь, недалеко отъ Бассоры — предметъ спора этихъ племенъ.

уѣлани для этихъ душъ. Если ты начнешь хвалить семейство Мо-халлеба въ пѣсняхъ, ты увидишь, что оно благородно по отцамъ своимъ и по дѣдамъ: люди завидуютъ только великимъ душамъ, а для душъ ничтожныхъ не найдется и завистниковъ! (1).

Вотъ также въ видѣ примѣра нѣсколько случайностей изъ жизни араба-кочевника, представленныхъ имъ въ поэтической формѣ пѣсни. Тсабетъ сынъ Джабера, прозванный Тааббата-шарранъ (онъ носить водъ мышкой несчастье), одинъ изъ четырехъ арабовъ, которыхъ, по преданію, не обогнала на бѣгу скаковая лошадь (2), доставалъ въ горахъ медъ и былъ обойденъ своими неприятелями изъ племени Лихьянъ, которые расположились внизу у скалы, предлагая противнику или сдаться на ихъ произволъ или броситься съ утеса. Однако Тааббата-шарранъ придумалъ другое средство: онъ вылилъ собранный въ кожаномъ мѣхѣ медъ на противную сторону скалы и, прилегли грудью на мѣхъ, спустился такимъ образомъ въ долину, въ разстояніи трехъ дней пути отъ выжидавшихъ его неприятелей. Онъ воспѣлъ этотъ достопамятный въ своей жизни случай въ слѣдующихъ стихахъ:

«Когда, при наступленіи страшной опасности, человекъ неизворотливъ, дѣла его пропали, погибли и пошли назадъ; но кто побратается съ рѣшимостью, тотъ, при неожиданной бѣдѣ, видитъ и средство избавиться отъ бѣды. Отличный верблюдъ своего времени, этотъ мужъ интеръ, нова живъ, такъ что когда запрутъ ему одинъ путь къ выходу, у него сейчасъ кинитъ уже и другой. Опорочивъ свой мѣхъ, я переговаривался съ моими недрузьями изъ племени Лихьянъ, а между тѣмъ день мой становился и тѣсенъ и грозенъ, какъ львиная берлога: у меня оставалось два средства или плѣнъ и укоры или кровь и убійство—и послѣднее предпочтительнѣе для вольнаго человека. Но я придумалъ въ дущѣ и еще средство, которое, въ случаѣ удачи, послужило бы началомъ и концомъ рѣшимости: замьсливъ это, я прилегъ на складу и скользя по ней своей широкой грудью и тонкими боками. Такъ я спустился до самаго дола, скала не оставила на мнѣ

1) *Namas. carm. ed. Freytag. P. I. pg. 771. Séances de Hariri par S. de Sacy, pg. 471.*

2) Прочіе: Асиръ сынъ Джабера, Солейкъ сынъ Салека и Шанфара, изъ племени Авдъ.

ни одной парашины, а смерть посмотрѣла — и за-стыдилась. Я воротился къ своему племени—и едва было воротиться—но сколько бывало такихъ случаевъ, когда я разставался съ родными, а они щebetали обо мнѣ, какъ птицы!»

Какой-то изъ владѣтельныхъ князей просилъ бедуина изъ племени Тамимъ подарить или продать ему въ собственность коня Сакаби. Арабъ отказалъ ему въ этомъ, проговоривъ стихи:

»Государь, пусть минуешь тебя прокатіе! Сакаби дорогое сокровище, которое не дается въ ссуду и не продается: мы сами готовы служить выкупомъ за этого благороднаго коня, для котораго пусть голодаетъ цѣлое семейство, только бы онъ не оставался голоднымъ. Дитя двухъ отличныхъ бѣгуновъ, онъ, но обоимъ своимъ родителямъ, доходитъ по генеалогіи до коня Курба и такъ, государь — пусть минуешь тебя прокатіе! — откажись отъ своего желанія: мы имѣемъ причину не удовлетворить тебя!»

У Корайта сына Овайфа, бедуина изъ племени Бени-Амбаръ, враждебное племя Шейбанъ отогнало тринадцать верблюдовъ. Обиженный просилъ помощи у своего племени, но оно отказалось и тогда ему помогло племя Мазенъ. Сыны Мазена угнали у племени Шейбанъ сто верблюдовъ и отдали ихъ Корайту, а этотъ поблагодарилъ своихъ благодѣтелей пѣсней, въ которой прославилъ племя Мазенъ и опозорилъ собственное, Бени-Амбаръ.

»Когда бы я былъ изъ племени Мазенъ (говорить Корайтъ), сыны Лекиты изъ племени Двохль-бени-Шейбанъ не дозволили бы себѣ присвоить моихъ верблюдовъ. Да, тогда было бы мнѣ на помощь племя, суровое при защитѣ всего дорогаго въ ту пору, какъ робкій становится уступчивымъ, племя, предъ которымъ если война скалитъ свои когтистые зубы, оно летитъ на насъ голыми и по одиночѣ. Они не спрашиваютъ своего собрата на счетъ доказательства его рѣчи, когда онъ зоветъ ихъ для отраженія несчастій; а мое племя, хотя и многочисленно, не обидитъ ничего, даже въ ничтожной бѣдѣ. За зло, нанесенное оскорбителями, они платятъ прощеньемъ, а злодѣямъ за ихъ дѣянія воздаютъ добромъ: какъ будто Господь твой, чтобы его боялись, не сотворилъ изъ среды людей никого, пугливѣ ихъ! О, еслибы мнѣ взаимно ихъ такое племя, которое, когда сбирается къ нападку, то мчитъ на коняхъ и на верблюдахъ!»

Извѣстный своей щедростью Хатемъ-Тай говоритъ, что послѣ него его наследникъ воспользуется немногимъ:

«Если иногда мой наследник приступитъ къ моему муществу (говорить онъ), горсть его очутится ни полна, ни пуста: онъ найдетъ поджараго, словно вытянутый поводъ, коня, да острый мечъ, который, кошелекъ въ тѣлѣ врага, не нуждается въ второстепенномъ ударѣ, и еще темнаго цѣпта Хаттійскій дротикъ, съ жесткими, какъ финишоваи мости, звѣнами, длиною локтей въ десять.»

(т. е. ни короткій, ни очень-длинный, по замѣчанію комментатора. *Namas. Carin. ed. Freyt. pg. 771. P. 1*).

Бедуинъ пригласилъ къ себѣ гостя, началъ ему услуживать и молотъ на ручной мельницѣ муку для приготовления хлѣба. Женѣ бедуина не понравилось такое униженіе мужа, но этотъ отвѣчалъ ей слѣдующими стихами:

«Она ударила себя правой рукойъ въ грудь и проговорила—
муха ли мой это гнется надъ жерновомъ? Не торопись, отвѣчала
я ей, а взгляни лучше на мои дѣла въ ту пору, какъ противъ
меня отолпятся непріятельскіе наѣздники. Не я ли отражаю своего
противника? Покрытый промью, онъ налезетъ на мое лице и въ
группѣ его дрожить двугранный гибкій дротикъ. Не я ли въпопону
на себя всю злость боя и начинаю донть сосцы смерти въ то
время, когда самый отчаянный смѣльчакъ уже предается бѣгству?
Не я ли угощаю твердой рѣшимостью своихъ ночныхъ гостей—
тяжелыя думы, когда душа моя долго бесѣдуетъ со мной, какъ
принять этихъ ночныхъ посѣтителей? Когда другіе оробѣютъ, я
прямо идаюсъ въ ту пучину смерти, арестъ которой навела бы
ужасъ на самого упрямнаго ратника; но, клянусь жизнью твоего
добраго отца, я слуга своему гостю и вѣсть съ тѣмъ настоящимъ
дѣломъ (наѣздникъ), если выступаю на битву. Такъ я получаю
себѣ славу, добываясь лишь этой корысти и некидая своего про-
тивника, покрытаго стыдомъ, близкаго къ смертному сну!»

Тааббата-шарранъ, о которомъ мы упоминали выше, высвѣталь себѣ невѣсту въ племени Абовъ, изъ семейства Каревъ.—Дѣвица неимала согласіе, но векоръ отказалась, подъ тѣмъ предлогомъ, что Тааббата, какъ извѣстный воинъ, не сегодня такъ завтра встрѣтится съ непріятелемъ, быть можетъ будетъ убитъ и она останется вдовой. Разставаясь съ невѣстой, Тааббата говорилъ:

—«Не выходи за него за мужъ, «сказали ейя онъ обреченъ левую первую сабли, едва только встрѣтится въ бою съ непріате-

лами! Но у нее нѣтъ разсуда ни на финиковую кожу, когда она боится сдѣлаться вдовой неустрашимаго воина, сдѣлаго въ платьѣ ночи, почти бессоннаго; его томить одна забота: кровавая месть (тсаръ) и встрѣча съ опытнымъ, законнымъ въ латы, всадникомъ. Со мной борется всакій, кто хочет прослѣть въ своемъ племени за храбреца, а самъ я, срубая головы неспрителиамъ, не думаю даже и славиться тѣмъ; я приберегаю себя въ замѣсть только необходимое, хотя и высунулись мои ребра и стала въ внутренность; живу съ хищными звѣрами и они привыкли ко мнѣ, потому что я никогда не отгоняю ихъ отъ нихъ луговъ. Они видятъ, что не лова звѣрей озабочиваетъ меня и если бы могли ласкаться къ человѣку, конечно приласкались бы ко мнѣ.—Нанявля прямо или изъ засады, я постарѣлъ въ бою съ неспрителями, но кто дѣйствуетъ противъ врага отважно, какъ дѣйствую я, необходимо долженъ пасть на смертномъ погѣ. Довольно истомилъ я владѣльцевъ верблюжьего табуна, когда они принимались меня преслѣдовать то одного, то съ товарищами коня набѣговъ; а знаю что, хотя бы прожилъ и долго, долженъ встрѣтить свѣтлое, какъ молнія, конье смерти!«.....

Предсказаніе воина, что онъ проживетъ недолго и надесть въ неравномъ бою, дѣйствительно вскорѣ оправдалось: Тааббата-шарранъ, нѣсколько разъ счастливый въ нападеніяхъ, былъ убитъ въ наѣздахъ на племя Гозайль. Его бросили въ ущелье Рехидъ. По освященному вънами обычаю, тсаръ или право мести за кровь (jus talionis) падаетъ на долю ближайшаго въ семьѣ родственника и за исполненіе этого права вѣдался племянникъ убитаго Хельеъ, прозванный «краснымъ». Мрачная пѣснь Хельеа вся посвящена описанію подвиговъ своего убитаго дяди и наполнена подробностями, какими сопровождалась месть за кровь. Эта превосходная пѣснь заключаетъ въ себя 28 стиховъ; въ третьемъ стихѣ есть небольшая обличивость въ словѣ «они сестры» поставленномъ въ надежѣ именительномъ. Чтобы избѣжать этой обличивости и согласить ходъ всей пѣсны, я предлагаю читать ибни-ухтинъ въ надежѣ родительномъ.

Подъ скалой, въ ущельѣ, лежитъ убитый и на кровь его не упала роса: онъ положилъ на меня ношу, отошелъ и я легко подиалъ его ношу. Сынъ сестры его, я исполнилъ «тсаръ» кровавую месть за воина неустрашимаго, который, вверивъ глаза въ

землю, точилъ отъ себя смертный ядъ своему недругу, какъ точить ядъ желтая змѣя пустынныхъ песковъ. Поразила насъ тяжелая вѣсть, отъ какой разсѣлись бы крѣпкіе утесы: несправедливая судьба отняла у меня человѣка съ великой душой, который былъ защитой своего сосѣда, зимой грѣлъ, какъ солнце, а лѣтомъ, когда пылала песья звѣзда, онъ служилъ для другихъ и прохладой и тѣнью. Его бока сухощавы, но не отъ бѣдности, его руки влажны (щедры); проникательный, мочный, твердый въ исполненіи задуманнаго, онъ щедро лилъ свои дары, какъ благодѣтельная туча, а въ гнѣвѣ шелъ, какъ губитель—левъ. Разпустивъ свои черныя кудри, онъ гордо расхаживалъ въ длинной одеждѣ среди палатокъ своего племени, но въ набѣги мчался легкимъ волкомъ; медъ и полынь—вотъ чѣмъ кормилъ онъ и всякій вкусилъ того и другаго ⁽¹⁾. Одинъ пускался онъ во всѣ ужасы и не было ему товарища, кромѣ иззубреннаго въ болахъ Еменскаго булата. Часто мы, юноши, съ самаго полудня собравшись въ набѣгъ, шли всю ночь свою и только приходили въ непріятельскій станъ на зарѣ; каждый смѣльчакъ опоясывался мечемъ, свѣтлымъ, какъ молнія, когда выхратишь его изъ ноженъ. Еще непріатели спали сладкій сонъ, еще въ дремотѣ покачивали головами, какъ мы вдругъ ударили на нихъ и они рассыпались: тутъ то мы взяли съ нихъ кровавую мечь, отъ которой немногіе ушли изъ обонхъ вражнихъ племенъ, и теперь, если племя Гозайль притупило объ него свои сабли, за то онъ прежде притупилъ свой мечъ о племя Гозайль и подъ его ударами враги падали, словно верблюды, на жесткій каменный, гдѣ раскололось бы верблюжье копыто; за то прежде, при нападеніи на непріятельскій станъ по утру, онъ забилъ вражье племя и грабилъ и гналъ его. Я пожегъ огнемъ войны племя Гозайль: огню не наскучило жечь ихъ, пока они совсѣмъ не сгорѣли; я повелъ на кровавый водопой свое копые въ первый разъ и когда оно наполнилось вдоволь, я водилъ его шить

---

¹⁾ Т. е. друзьями онъ дѣлалъ добро, а непріателямъ наносилъ зло, горькое, какъ полынь. Фраза въ 1-мъ стихѣ: *на кровь его не упала роса*, относится къ повѣрью бедуиновъ, которые думали, что кровь неотмщеннаго покрывается росой; слѣдовательно, здѣсь надобно разумѣть, что убитый былъ отмщенъ. Cf. *Vullers, Hareth. Moal. pg. 29.*

вторично. Мнѣ можно испить запрещеннаго доселѣ вина ⁽¹⁾, съ большими трудомъ досталось мнѣ это право; пейте вино мои сабли, мои длинныя копья, мои легкіе кони: оно стало дѣломъ разрѣшеннымъ, доступнымъ. Савадъ сынъ Амра, подай его мнѣ: мое тѣло измѣнилось послѣ кровомщенья за дядю, а мы напоили племя Гозайль чашею смерти и въ подонкахъ этой чаши стыдъ, позоръ, презрѣнье. Смиются гіены, почуявъ трупы неприятелей, и волки оскалили зубы при видѣ убитыхъ. Со всѣхъ сторонъ слетаются вольныя орлы; они клюютъ до сыта, отяжелѣли и съ полнымъ желудкомъ не въ силахъ подняться къ верху!»

Хусейнъ изъ племени Асадъ оплакалъ въ стихахъ благотельнаго Мана сына Зайде, современника халифа Мансура. Нѣжное чувство руководило поэтомъ въ этой небольшой элегій:

«Друзья, посѣтите могилу Мана, скажите ей—пусть утренняя туча поятъ тебя, могила, безпрерывнымъ дождемъ! — Гробница Мана, ты первая могила на землѣ, послужившая лежанкою для щедрости! Гробница Мана, какъ ты сарала въ себѣ щедрость его, которая наполнила собой и море и сушу? Такъ, ты приняла въ себя саму щедрость и щедрость умерша, но если бы она осталась въ жирыхъ, ты, могила, раздуплилась бы отъ тяжести! Это былъ мужъ, благотѣльниками котораго люди живутъ и по смерти его; такъ послѣ шумнаго вѣтра въ ложѣ его образуется зеленый лугъ. Съ кончиною Мана скончалась, исчезла щедрость и изгладилъ благотѣльникъ!»

Въ главѣ Хамасы, которая посвящена описанію нѣжныхъ чувствъ араба-кочевника, Абдалла сынъ Домеймы, изъ поселенія Хатъама, такъ воспѣваетъ свою страсть:

«Вѣтерокъ, когда ты вѣешь со стороны Надежда, твое вѣяніе придаетъ мнѣ любовь къ любви. Не ужели стоны горницы, предъ полуденной порой воркующей на вѣтвяхъ мирта, вводятъ тебя, поэтъ, въ слезы: ты плачешь, какъ дитя, не можешь ободриться и, такимъ образомъ, обнаруживаешь то, что не хотѣлъ бы высказать? Люди говорятъ, что влюбленный больше горюетъ, если

---

¹⁾ Обрекая себя на кровомщенье, арабы давали обѣтъ не пить вина, не стричь волосъ, избѣгать сообщества женщинъ, пока не исполнятъ своего долга.

близокъ къ предмету страсти и что удаленіе нацѣляетъ отъ любви; но я лечился и тѣмъ и другимъ средствомъ и ничто не могло мнѣ, однако, при всемъ томъ, лучше жить близко къ дому подруги, чѣмъ далеко отъ него, хотя и близость безполезна, когда подруга замѣняетъ своему слову!»

Изъ поэтовъ драмности никто столько не извѣстенъ картинными изображеніями явленій природы и описаніемъ коня, какъ Ирильхайсъ сынъ Ходжра, потомокъ княжеской фамиліи Киада, современникъ Мухаммеда (1). Князь такъ говоритъ о своемъ конѣ въ моаллака его имени:

«Я выѣжаю на охоту рано утромъ, когда птицы сидятъ еще въ своихъ гнѣздахъ: меня носитъ гладкій конь, который оказывается, какъ бы цѣпью, дикаго звѣря на всемъ бѣгу. Конь высокий, какъ чертогъ: онъ то набѣгаетъ, то отступаетъ, то кинется впередъ, то назадъ, будто отломокъ огромной скалы, сброшенный съ горы потокомъ. Гнѣдой конь—по спинѣ его скользитъ чепракъ, будто капли дождя, отражаемыя полированными камнемъ; конь съ тощими боками, кипучій; въ жару бѣга, на гонкѣ, онъ издаетъ звуки, какъ кипятокъ въ мѣдномъ котлѣ. Онъ разстилается и словно плыветъ на бѣгу еще и въ то время, когда другіе бѣгуны уже отстаютъ и глубоко оставляютъ въ пыли слѣды своихъ копытъ; онъ сбрасываетъ съ своей спины легкаго юношу и крутитъ на скаку плащомъ пожилаго, тяжелаго всадника; онъ вьется, какъ круглая игрушка дитяти, прорѣзанная въ срединѣ и быстро вращаемая руками на прицѣпленной ниткѣ. У него бока газели, ноги строуса, побѣжка волка, прискокка молодой лисицы и широкія бедра, когда смотрѣть на него сзади, замыкаются прямымъ, пушистымъ хвостомъ, который волочится до поверхности земли. Когда онъ стоитъ, привязанный у моей палатки, то обѣ стороны его спины лоснятся, будто камни, на которыхъ трутъ благовонія

---

1) Ирильхайсъ писалъ сатиры на Мухаммеда, которыхъ отчасти на нихъ чрезъ посредство другаго поэта, Лебида. Такимъ образомъ замѣчаніе г. Девержѣ въ его «Arabie» (L'univers pittoresque) 1847., что Ирильхайсъ писалъ свою моаллаку за столѣтіе до Мухаммеда (стр. 46), оказывается неправильнымъ. См. также: Рейске *Tharabae Moallakah, Lugduni Batavorum, 1742. pg. XXVI.*

для молодой весты или на которыхъ остались выжимки коло-
кита; кровь изловленныхъ звѣрей струится по шеѣ его, какъ
жидъ (1); какою врасаѣ сѣдины старика. Намъ попалось стадо
онагровъ, самки которыхъ шли гордо, какъ дѣвицы ходять около
идола Дувара, въ своихъ длинныхъ платьяхъ и мой конь при-
нялся бѣгать попеременно то между самцами, то между самками,
не осажаясь водой и не купааясь. Мы къ вечеру воротились съ
охоты. Глаза мои не могли насмотрѣться вдоволь на моего коня;
на немъ почують и сѣдло и узда; онъ отдыхаетъ, стоя предо
мною, не трогаясь съ мѣста для посылки!.....

Другой поэтъ, авторъ одной изъ привѣщенныхъ къ Меккскому
храму касидъ (моаллака), особенно извѣстенъ описаніемъ верблюда.
Молодой и пылкій Тарафа, о которомъ я здѣсь говорю, составлялъ
свою поэму, какъ полагаетъ ученый Рейсно, между пераыиъ и
восьмыиъ годами жизни Мухаммеда, хотя и нѣтъ на то слиш-
комъ ясныхъ, положительныхъ доказательствъ. Беззаботное веселье,
полный разгулъ, который тамъ и самъ воспѣтъ Тарафой въ его
моаллака, едва не повредили ему, потому что поэтъ совершенно
пренебрегалъ своей обязанностью старечъ табуны верблюдовъ, ко-
торыхъ отогнали у него арабы изъ племени Модзаръ; но стихи
послужили юношѣ на пользу. Тарафа похвалилъ въ своей моал-
лака одного богатаго своего родственника Аиру-бенъ-Мортседа,
который подарилъ за это ему большое стадо верблюдовъ и тѣмъ
избавилъ молодаго человека отъ упрековъ со стороны его до-
машнихъ.

Начало моаллака Тарафы содержитъ въ себѣ картину отъ-
ѣзда его любимицы Хѣулы. Поэтъ припоминаетъ себѣ въ десяти
первыхъ стихахъ (2) то время, когда она, какъ молодая серна,
сидѣла въ «хиджажѣ» или палаткинѣ, называемомъ у мнѣшшихъ
персіанъ «кюджава»; за тѣмъ, слѣдующіе тридцать три стиха
посвящены описанію верблюдицы, а остальные пятьдесятъ семь
содержать въ себѣ похвалы веселью и вину, описаніе подвиговъ
храбрости, щедрости и намекъ на упомянутыя выше отношенія
Тарафы къ его родственникамъ. Я ограничусь здѣсь переводомъ

1) *Lawsonia inermis*, Linn.

2) *Reiske, Taraphae Moallakah cum scholiis Nabas etc. Lugduni-
Batavorum, 1742.*

начала этой, второй по счету, моаллава и несколькими стихами. гдѣ обрисовывается личность поэта:

»Еще видны слѣды кочевья Хаулы на каменистыхъ равнинахъ Тагмеда, будто остатки татуировки на поверхности руки. Мои спутники, остановившись здѣсь на своихъ верблюдахъ, говорили мнѣ: не пропадай отъ тоски, будь твердъ! (Но я припомнилъ ту пору), когда паланкины Малекитовъ по утрам, (отъѣжая отсюда), казались лодками, плывущими въ лопинахъ Дуда, лодками Адавленскими или судами Ибий-Ямина, которые кормчій то отводитъ въ сторону, то опять направляетъ на прямую дорогу, а между тѣмъ носъ ихъ рѣжетъ водяную цѣну, какъ игрокъ—угадачикъ дѣлать кучки песка⁽¹⁾. Въ этомъ—то племени ѣхала и моя темногубая, черноглазая красавица — серна, что сбиваетъ съѣжкія ягоди съ «эрака»⁽²⁾; молодой козленокъ, отмѣченный двумя итиями жемчуга и изумруда, онъ одиноко пасется на дѣистой полянѣ, срываетъ кончики «берира»⁽³⁾ и осыпая себя его ягодами. Красавица улыбается темными губами, какъ распускающійся цвѣтокъ дикой ромашки, который выходитъ изъ подъ влажнаго песка. Само солнце напело ее блескомъ своихъ лучей, не коснувшись только десенъ, которыя остались темны, хотя и не посыпаны «жохлемъ»⁽⁴⁾; само солнце какъ будто накинulo на нее свою свѣтлую мантию: чисто цвѣтъ этой красивой серны и кожа не марята морщинами!.....

Но я умѣю прогонять 'свою тоску при ея появлении: я са-

¹⁾ Намекъ на игру: *филь*. Игроки насыпаютъ кучки песка и ктонибудь причетъ въ одну кучку какую либо вещь; партнеръ угадываетъ, въ какой кучкѣ спрятана вещь, которая, въ случаѣ отгадки, принадлежитъ ему.

²⁾ *Эракъ* названіе одного колючаго кустарника изъ рода *амидъ* (حمض).

³⁾ *Бериръ* также названіе *эрака*. Растѣніе *эракъ* на первой порѣ роста называется *кабитъ*, потомъ *бериръ* почти зрѣлое и далѣе совсѣмъ зрѣлое именуется *мердъ*. Эракъ есть названіе общее для этого кустарника.

⁴⁾ Арабы, по замѣчанію комментатора Накаса, хвалятъ въ женщинахъ темный цвѣтъ десенъ. Арабское «жохль» равняется персидскому *сорьма*, названіе антидонія.

жусь тогда на исхудалую, поджарую верблюдицу¹⁾, которая бѣжитъ рысью и вечеромъ и по утру; надежная, какъ доски у носилокъ, она рыскаетъ подъ юмъ бичемъ по торной, узорчатой, словно нестройнъ плащъ, дорогѣ; она не уступаетъ благороднѣйшимъ скаковымъ верблюдамъ и на уютанной тропѣ попадаетъ задней ногой въ тоже мѣсто, куда ступила ея передняя нога. Весной она выгуливается между двухъ холмовъ вмѣстѣ съ другими стельными верблудицами и рветъ траву зеленого, сочнаго луга, влажнаго отъ весеннихъ дождей; она послушна крику погонщика; она отмахивается своимъ густымъ хвостомъ отъ темнобурого самца, покрытаго попоной, — хвостомъ, похожимъ на прямой сучокъ пальмы, по бокамъ котораго прикрѣплено по орлиному крылу, и верблюдица бьетъ имъ то по сѣдоку, то по исхудалымъ, высохшимъ, будто кожанымъ мѣхъ, соснамъ. У ней твердая, мясистая бедра, словно двѣ колонны высокаго дворца; у ней нѣжные спинные позвонки, ребра выгнуты лукомъ, затылокъ покрытъ располосенными въ ряды складками кожи. . . . . Крѣпкая, какъ мостъ греческой постройки²⁾, архитекторъ котораго полагалъ, что непременно свяжетъ его со всѣхъ боковъ прочными цементомъ, верблюдица съ бурныи волосами подъ бородой, съ твердымъ хребтомъ, она далеко откидываетъ заднія ноги и быстро перебираетъ передними; она ходитъ нѣсколько на бѣгъ, бѣжитъ проворно, большеголовая, и веревки на бокахъ ея такъ же мало оставляютъ свой слѣдъ, какъ ручейки на гладкой поверхности камня! . . . Черепъ ея походитъ на наковальню и кто дотронется до него, тотъ дотронется будто до зубьевъ пилы (по причинѣ жесткой кожи); щеки походятъ на сирійскій *кыртасъ*³⁾, губы будто изъ Египетской кожи, которая не морщится; глаза сверкаютъ, какъ два

1) Чаще всего поэты говорятъ о верблудицахъ, которыя, по видимому, готовились для верховой ѣзды, по причинѣ способности легче переносить трудность перевозокъ.

2) Рѣдко переводитъ слово *القنطرة*, латинскимъ *aqueductus*, но это слово именно означаетъ каменный мостъ; деревянный называется *دميقر* . . . *جسر*

3) Слово, вѣроятно образовавшееся изъ греческаго, и быть мо-

зеркала, вставленные во впадинахъ глазныхъ костей, твердыхъ, точно скала, въ которой выдолблена ямина для водоема; они не допускаютъ до себя ни соринки, какъ два черныхъ врача испуганной дикой коровы (1), матери таленка. Оба уха ея вѣрно различаютъ тихій ночной шепель и крѣпкій голосъ во время ночного пути, они чутки, но ими можно узнать ея благородную породу; они походятъ на уши дикаго быка, одинока пасущагося въ Хауагѣ.—Сердце ея бьется, дрожить; оно легко и мѣстѣ съ тѣмъ плотно, какъ отломекъ скалы, который колотится о жесткій панцирь. Если я захожу, верблюдица закидываетъ голову до средины сѣдла и бѣжитъ со скоростью строуса; если захожу, она оставляетъ рысистый бѣгъ или опять пускается рысью, бока рессивой вѣрно-скрученной шети. Верхняя губа ея словно раздѣлена и когда она нагибается носомъ къ землѣ, то еще болѣе усиливается оной ходъ. На этой-то верблюдицѣ я раздѣлаю по такимъ мѣстамъ, гдѣ мой спутникъ снахетъ: о еслабы я могъ быности и тебя и самого себя мѣзъ сврашней пустыни, а между тѣмъ испуга оавдѣкъ бы его духомъ и спутникъ мой считалъ бы себя уже погибшимъ (отъ жажды и испурсия), хотя на ту пору не случилось бы никакой противъ него неприятельской засады (2)! Когда говорятъ: кто можетъ раздѣлать по такой пустыни? я думаю, что разумѣютъ мени и не отступаютъ отъ своего намерѣнїа, какъ сдѣлалъ бы человекъ несѣдущїй: я замкнулась плотно на верблюдицу и она поспѣшно бѣжитъ даже и въ ту пору, когда мареве колышется по расклевенному солнцемъ клещавку; она заметасть хвостомъ своимъ хвостомъ, какъ гордо выступающая служанка на пиру, которая машетъ вродѣ хвалникомъ длинными моннами своего бѣлаго платья!.....

жетъ означающее здѣсь *пергамент*, или другой родъ бумаги.

قرطاس

1) По замѣчанїю Нахаса, эта дикая корова къ испугу широко разворачиваетъ свои врачки.

2) Рейске переводить: *seque deperditum putaret, alias imperferitus*, но слово *مرصاد* значить *мѣсто засады* отъ корня *رصد* *insidiatus fuit, uti praedae leo.*

Я не переставалъ пить вино, веселиться, продавать свое имущество и проматывать все нажитое мною и отцовское, пока вся семья не отступилась отъ меня и не покинула одного, словно верблюда въ чesоткѣ; но вижу, меня не забываютъ ни бѣдники, ни ховсева большіе шатровъ. Ты, укоряющій меня въ томъ, что я присуствую на битвахъ и предаюсь удовольствіямъ—развѣ ты можешь доставить мнѣ безсмертіе? Если же ты не въ состояніи отразить отъ меня смерть, то дозвожь мнѣ упредить ее разточеніемъ моего имущества. . . . . Вижу, могила скушца, который падаетъ свое имѣнье, совершенно одинакова съ могилой весельчака—расточителя: только замѣтны двѣ насыпи, на которыхъ положены твердыя плиты, рядъ надъ радомъ. Вижу, смерть выбираетъ себѣ благороднѣйшаго и отнимаетъ лучшее имущество у гнуснаго скушца; вижу, жизнь походитъ на сокровище, которое уменьшается съ каждой ночью, а что уменьшаютъ дни, то гибнетъ на вѣки. . . . .

И такъ, когда я умру, о дочь моего брата Мабела, ты оплачь мою смерть, какъ я того заслуживаю и разгоришь съ печали обо мнѣ свое платье. Не выставишь меня мужемъ, котораго мысль не равняется моей мысли, котораго старанія не приносили бы такую же пользу въ битвахъ и совѣщаніяхъ: медленнѣе къ исполненію доблестныхъ дѣлъ, скорѣе на живости, ничтожаще въ собраніяхъ мужей, исключеннымъ изъ ихъ кружка; потому что, если бы я былъ безъ славнаго имени среди вонновъ, то мнѣ не вредила бы неурядица моихъ надротовъ и имѣтѣ и по одиночкѣ. Но враговъ отгоняютъ отъ меня моя снѣжность, отвага, искренность и благородство происхожденія; клянусь твоей жизнью ничто не можетъ затруднить меня въ сомнительныхъ дѣлахъ ни днемъ, ни ночью, которая не кажется мнѣ въ ту пору слишкомъ долга! . . .

Я считаю приличнымъ, приводя эти отрывки, характеризующіе бытъ араба-бедуина, помѣстить здѣсь переводъ одной изъ извѣстныхъ сценъ моабита, *حارث بن حلزة* Харетса сына Хилзы, какъ отвѣтъ на угрожающую рѣчь Амру сына Кельтума. Впрочемъ, чтобы бытъ понятнымъ, надобно изложить причины, побудившія обоимъ поэтовъ — представителей двухъ враждебныхъ племенъ Бекръ и Таглебъ явиться на судъ къ Гирскому государю

Амру сыну Гинды. Бекръ и Таглебъ, родоначальники того и другаго племени, были родные братья, сыновья Ваала-бенъ-Касета; потомки ихъ незадолго до Мухаммеда вели между собой жестокую сорокалѣтнюю войну за убійство верблюдицы у старухи Басусъ. Эта гибельная борьба, гдѣ главную роль играло знаменитое степное »jus talionis«, окончилась примиреніемъ Бекритовъ и Таглебитовъ; но вражда едва-было не возгорѣлась снова. Арабы изъ племени Таглебъ въ сухой годъ пришли искать воды въ мѣстахъ, занимаемыхъ племенемъ Бекръ, но послѣдніе прогнали своихъ родичей; на обратномъ пути семьдесятъ Таглебитовъ погибли въ пустынѣ отъ жажды. Вслѣдствіе этой обиды племя Таглебъ снова начало готовиться къ войнѣ; но недавняя сорокалѣтняя борьба еще была у всѣхъ въ свѣжей памяти, такъ что обѣ стороны рѣшились прибѣгнуть къ посредничеству Гирскаго государя Амру сына Мовдаира отъ Гинды; Амру способствовалъ восстановленію мира и племена Бекръ и Таглебъ уполномочили своихъ поэтовъ Харетса и Амру-бенъ-Кельтуна произнести моаллаки въ защиту своихъ правъ. Амру изъ племени Таглебъ произнесъ импровизацію-моаллаку первый; онъ говорилъ съ самоувѣренностью, съ насмѣшкой высчиталъ неудачи Бекритовъ, хвалилъ храбрость и могущество своего племени и заключилъ свою поэтическую рѣчь словами: »миръ и все, что въ немъ, наше; когда мы нападаемъ, мы нападаемъ со всей силой. Предъ нашими дѣтьми, едва лишь отнятыми отъ груди, уже кланяются въ землю самые безстрашные герои!«

Харетсъ, человекъ преклонныхъ лѣтъ, отвѣчалъ кротко и благоразумно на гордую рѣчь своего противника, высчитывая извѣстные всѣмъ случаи предшествовавшей войны Басусъ. Говорятъ, что онъ съ такимъ жаромъ продекламировалъ свое оправдательное слово, что даже не почувствовалъ, какъ тетива лука, на который онъ опирался, врѣзалась ему въ руку. Моаллака Харетса содержитъ въ себѣ, по наданію Вуллера (1), восемьдесятъ два стиха, оканчивающихся каждый на риему до. Импровизаторъ переходитъ къ главному предмету своей рѣчи только съ 15-го стиха, а первые четырнадцать, по обыкновенію, упомянутому прежде, заняты

---

1) Harethi Moallaca cum schol. Zuzenii etc. ed. Joan. Vullers. Bonnæ ad Rhenum, 1827.

описаніе Асмы и Гинды, конечно, воображаемыхъ красавицъ, и быстрой верблудицы, которая помогаетъ поэту разгонять скуку:

»Асма вѣвѣстала насъ о своемъ намѣреніи отпочевать — нѣкоторые живцы могутъ и прискучить, только не она! И такъ, я не увижу Бохе Асмы, послѣ того, какъ мы привыкли встрѣчаться то на каменистыхъ равнинахъ Шамма, на ближайшемъ ея козелѣ Халса, въ Мохайатѣ, Сыфахѣ, Апахъ-Фатахѣ, Адзедѣ, Вафа, на лугахъ Ката, на долинахъ Шорайба, въ Шобатапѣ и Эйла; теперь плачу безумно, но что воротить плачъ? Харетсъ, въ виду у тебя Гинда наконецъ зажгла гостепріимный огонь и освѣтила нѣкѣ высоты, ты примѣтилъ ея огонь издалека, въ Хазазѣ, но тебѣ не погрѣться около него! Гинда разожгла костеръ между Аннокъ и Шахсайномъ и онъ заблесталъ, какъ яркій свѣтъ!

Но я стараюсь разгонять свою тоску, когда остановившагося на нѣотѣ кочевника что нибудь побуждаетъ къ скорому подзему: и сажусь тогда на легкую верблудицу, быструю, какъ сама строусъ, пустынная, съ долгой шеей; она почуяла тихій шорохъ, еще съ подудки ее напугали охотники, а на дворѣ уже вечеръ. Нѣотъ ты замѣтилъ бы, какъ позади верблудицы моея вѣтся тонкая шкура отъ приподнимаемыхъ, то отъ опущенныхъ копытъ, какъ летать ключки за ключками съ ея кожаныхъ подковъ, истертыхъ на быту въ пустынѣ. На такой то верблудицѣ я тѣшусь въ самую жаркую полуденную пору, когда всякій путникъ, сынъ печали, тагвѣтъ отъ зноя, словно привязанная у могилы, обреченная на смерть верблудица!..... (1).

»До насъ дошли тяжелые слухи и вѣсти, которые огорчили, опечалили насъ. Мы слышимъ, что наши братья »Пестрыя-Змѣи (прозваніе одной фамили въ племени Таглебъ) взводятъ на насъ небывальщину въ своихъ наглыхъ рѣчахъ и смѣшываютъ невиннаго изъ насъ съ виновнымъ, такъ что невинность не помогаетъ без-

1) Языческіе арабы привязывали у могилы умершаго верблудицу, на которой, по ихъ вѣрованію, долженъ былъ лежать ома въ день общаго воскресенія. Эта верблудица, называемая »бдліма, не получала ни корму, ни поила и оставалась на привязи, пока не умирала. Харетсъ оканчиваетъ здѣсь свое вступленіе и начинаетъ оправдываться въ обвиненіяхъ, возводимыхъ на его племя его противникомъ Амру-бенъ-Нельтумомъ.

вишнему; они выставляют на видъ, что великъ, кто билъ (Колѣйба) ихъ князя, нашъ родичъ и что мы помогли ему въ этомъ дѣлѣ. Задумавъ свои набѣгъ съ вечера, они встали по утру и вмѣстѣ съ нами проснулись военный кличъ, шумъ воющихъ и отвѣчающихъ, ржаніе коней и примѣшанное къ нему рычаніе верблюдовъ. Ахъ, говорунъ! Ты хочешь «расписатъ» насъ предъ Амру, но развѣ есть этому основаніе? Ты не воображай унижить насъ своей клеветой, потому что и прежде этого насъ старались «расписатъ» непріятели, но, не смотря на всю ненависть, насъ поддерживали твердыя укрѣпленія и неборимая слава; онѣ и прежде этого сподѣли, какъ бѣлыи, на глазахъ у нашихъ непріятелей, вслѣдствіе гнѣва и зависти. Когда на насъ шли невзгоды, то встрѣчали въ насъ точно гребень черной горы, о который рѣжутся тучи, а онъ стоитъ, угрюмый, противъ всѣхъ перемѣнъ и не слабѣетъ отъ ударовъ времени!

Государь потомокъ Арама; около него гарпуютъ всадники и невозможно противникамъ лишить его отчизны! Государь справедливый, лучший изъ всѣхъ, кто ходитъ (по землѣ) и всякая хвала ниже его! Какое только хотите серьезное дѣло, которое затруднило бы лучшихъ мужей, поручите намъ для исполненія (и мы исполнимъ его); если будете разысывать, что было между Мильхой и Сакебомъ, увидите, что ваши Таглебиты мертвы, потому что за смерть ихъ мы взяли съ васъ «тсаръ»: если станете развѣдывать—а люди должны все развѣдывать старательно—то найдете, что въ дѣлѣ нашемъ замѣшались и больные и здоровые (и виновные и невинные); если умолчите на нашъ счетъ, то и мы зажмуримъ глаза на ваши поступки, какъ зажмуривается тотъ, кому попала въ глазъ соринка; если откажете намъ въ томъ, чего мы просимъ у васъ (т. е. въ примиреніи), то скажите, о комъ вы слышали, кто былъ бы выше насъ доблестями? Развѣ вамъ невѣдомы тѣ дни, когда люди нападали войной другъ на друга и негда каждое племя издавало военный кличъ? когда мы погнали своихъ верблюдовъ скорымъ ходомъ отъ палмы Бахрейна и до самаго Эль-Хиса, потомъ ударили на племя Тамимъ и съ наступленіемъ сорокаго мѣсяца (когда не позволено воевать¹⁾) дочери этого

---

¹⁾ Чтобы дать мѣсто примиренію, хотя на нѣкоторое время,

колѣна уже были нашими рабами? Тогда сильный не могъ противостоять намъ въ открытомъ полѣ, а слабому не помогло бѣгство; не спасли бѣглецовъ ни вершины горъ, ни трудная для хода, каменная мѣстность. Государь, подчиняющій народы, среди которыхъ нѣтъ ему равнаго! Старались-ли наши противники такъ, какъ трудилось наше племя, когда воевалъ Мондмиръ и неужели мы поддавшие сына Гниды? Кто убить изъ племени Таглебъ, тотъ остался неотпущеннымъ, будто и слѣдъ его засыпанъ землей, а это было въ ту пору, какъ государь приказалъ раскинуть палатку взятой въ плѣнъ Майсуны въ мѣстечкѣ Алия и въ ближайшемъ ея кочевьѣ Ауджа. Къ нему сошлись изъ всѣхъ колѣнъ отчаянные удалцы, точно орлы; онъ повелъ ихъ, имѣя при себѣ запасы воды и финиковъ, но Божья воля достигла своей цѣли—погубила несчастныхъ. Вы, обольщенные своимъ мнѣнiемъ о себѣ, вызвали насъ на войну и ваша дерзкая воля повлекла племя Бекръ противъ васъ; однако Бекриты не напали на васъ въ располхъ, — полуденное марево показало вамъ ихъ мадалска! Говорунъ, ты стараешься оклеветать насъ предъ Амру — да будетъ-ли этому конецъ? Вотъ государь, которому извѣстны три вашихъ доблестныхъ подвига и въ каждомъ изъ нихъ найдется достаточное доказательство. Доказательствомъ тому восточная полоса между двухъ песчаныхъ пространствъ, когда явилось сюда племя Мааддъ и каждое колѣно пришло съ своими знаменами, собравшись около (химъярскаго князя) Кайса; ратники, покрытые кольчугами, шли подъ начальствомъ Карадзійскаго (Еменскаго) князя, похожаго на бѣлую скалу. Сколько мы обратили назадъ молодыхъ людей, рожденныхъ отъ благородныхъ женъ, юношей, которыхъ не могло удержать ничто, кромѣ блестящаго, длиннаго меча! Кровь ихъ лилась, какъ вода изъ отверстiя мѣха; мы гнали ихъ копытами до утесовъ горы Тахланъ, такъ что бедра ихъ

языческіе арабы читли четыре мѣсяца въ году, какъ святыню, и въ теченіе ихъ приостанавливались всѣ неприязненные дѣйствiя; каждый воинъ снималъ наконецникъ съ копейнаго ратовища и убійца не могъ опасаться кровомщенья со стороны родственниковъ своей жертвы. Это постановление отчасти напоминаетъ средневѣковое *tremga Dei*, или *tremga Domini*.

покрылись кровью; мы пускали ихъ прямо въ лобъ дротики, которые дрожали въ непріятельскихъ тѣлахъ, словно бабы въ глубокихъ цистернахъ! Мы поступили съ ними, какъ знаетъ о томъ Богъ, и кровь погубленныхъ нами осталась безъ отщепеня. Потому мы убили Ходжра, именно сына Омъ-Катамы, предводителя персидскихъ ратниковъ, покрытыхъ заржавѣлыми (отъ частаго употребленія) кольчугами; то былъ желтый, звучно-пагающий левъ во время боя, то былъ настоящая весна, когда наступалъ пыльный (голодный) годъ. Мы сняли оковы съ Имри-ль-Кайса, послѣ его долгаго заточенія и бѣдствій. Съ конями, конями племени Бени-Аусъ были всадники, подобные малымъ холмамъ, но мы, подъ боевой пылью, не оробѣли и они побѣжали стремглавъ, когда загорѣлось пламя сраженія. Мы, даже непрощенные, потребовали кроваваго отчета у Гассансваго государя за убійство Мондзира, когда никто не могъ выкупить кровь этого князя; мы привели къ его роднымъ девять именитыхъ князей съ ихъ дорогими военными доспѣхами. Вскорѣ за тѣмъ родился въ нашемъ племени Амру сынъ Омъ-Онасы, когда намъ было доставлено ея брачное вѣно; такимъ образомъ это родство между племенемъ Бекръ и государемъ Амру, похожее по своей связи на пустыню, къ которой примыкають другія пустыни, допускаетъ лишь только увѣщаніе, (а не приказаніе). Оставьте свою гордость и мнимое ослѣпленіе, (Таглебиты), если же снова притворитесь слѣпыми (незнающими), то это будетъ уже болѣзнь; вспомните союзъ, заключенный съ нами въ Зу-ль-Меджазъ и всѣ его условія и ручательства¹⁾: чтобы остерегаться отъ несправедливости и отъ насилій; неужели людскія страсти успѣють разторгнуть то, что (написано) на пергаментѣ? Знайте, что мы и вы, въ тотъ день, когда возникли между нами несогласія и когда мы заключили договоръ, были совершенно равны; а пустое, несправедливое дѣло походить на то, если бы кто закололъ вмѣсто любимой овечки дикую козу. Развѣ къ намъ относится преступленіе племени Кинда, что ихъ предводитель отогналъ у васъ ваши стада? Развѣ мы должны расплачиваться за это? Развѣ намъ вѣняется вина Ибада, какъ будто къ

---

¹⁾ Зу-ль-Меджазъ названіе мѣстности, гдѣ Амру сынъ Гинды помирилъ прежде племена Бекръ и Таглебъ.

тяжести, навьюченной на верблюда, слѣдуетъ прицѣпить еще тяжесть? Не изъ насъ были возбужденные къ войнѣ: Кайсъ, Джандаль, Хадза. Или, неужели на насъ нападутъ проступки племени Бени-Атикъ? Мы совершенно непричастны вашей винѣ, если вы дѣйствовали коварно. На насъ напали восемьдесятъ воиновъ изъ племени Тамимъ, съ смертоносными наемечниками на копейныхъ ратовищахъ; они изрубили въ куски нашихъ ратниковъ и воротились, уводя съ собой захваченныя стада, при оглушительномъ гнѣвнѣ погонщиковъ. Ужели намъ должно приписать имъ племени Бени-Ханіфа или нападенія ратниковъ, собравшихся въ гонимый годъ (для добычи)? Ужели на насъ лежитъ отвѣтственность за преступленія племени Каджа? Мы совсѣмъ не покрыты росой ихъ мины. Они пришли потомъ съ просьбой о выдачѣ вѣстаго у нихъ, но имъ не было возвращено ни черпаго, ни бѣлаго верблюда. Наше племя не нападало во время священныхъ мѣсяцевъ на Бени-Ризахъ на каменистой мѣстности Нитадъ, напротивъ, оно желало имъ добра (а не такъ какъ вы, Таглубиты. Вы напали на нихъ) и потомъ побѣжали съ раздробленными хребтами; жаждущихъ мести не охолодила вода (т. е. вы остались безъ всякаго смущенья); а потомъ, послѣ этого, ринулись на насъ безжалостные, безпощадные всадники вѣстѣ съ Алакомъ и вотъ государь былъ смѣлѣею нашихъ подвиговъ въ день битвы при Халрейнѣ, когда грозилъ страшная опасность!.....

Странное дѣло, что обработанная версификація арабскихъ поэмъ (касыдъ) и пѣсенъ, со всѣми правилами просодіи и языка, возникла въ пустынѣ и даже въ ту пору, когда до времени самаго безграмотнаго (امی) Мухаммеда не было въ Аравіи слишкомъ распространено искусство письма. Можно допустить развѣ одно предположеніе: извѣстную степень образованности въ самой пустынѣ, въ послѣдствіи подавленную исламомъ, и появленіе замѣчательныхъ талантовъ между кочевниками. Я также прибавлю здѣсь, что лучшіе таланты позднѣйшихъ временъ вѣдали себѣ за честь слѣдовать поэтамъ пустыни и этими чужими красками раз-

использовали свои городские вдохновения, или, как напр. Мотенебби, принимались хвалить своих благодетелей и милостивцев⁽¹⁾.

Такиимъ образомъ арабское слово до времени Мухаммеда соблюдалось неприкосновеннымъ среди сыновъ пустыни, однако правила языка еще не были приведены въ систему. Между тѣмъ халифъ Али сынъ Абу-Талеба, опасаясь, чтобы арабизмъ не похристался при столкновении арабовъ съ другими народами, поручилъ Абу-ль-Асваду-Джаули⁽²⁾ привести общепотребительный языкъ къ известнымъ правиламъ, а за этой попыткой явилось большое число грамматиковъ, изъ которыхъ я упоминаю о Халидѣ и Сибейейтѣ, родомъ персиянинѣ, умершемъ въ 796 году по Р. Х. въ городѣ Ширазѣ, наконецъ о двухъ школахъ Бассорской и Куфской, представители которыхъ своими частыми диспутами ясное и точное опредѣляли запутанные грамматическіе вопросы, такъ что стали появляться грамматическіе трактаты въ стихахъ, намово напр. произведение Ибнъ-Малека, прозваннаго по справедливости моремъ грамматическихъ свѣдѣній. Трудно и неумѣстно было бы перечислять здѣсь всѣхъ ученыхъ по этой отрасли знаній: Харрири, Джемаль-единъ Тафтазани (авторъ «Клифее»), Сангаджи болѣе известный подъ прозвищемъ Ибнъ-Аджрума (авторъ грамматики Аджрумийе) и другіе, оставили послѣ себя прекрасныя грамматическіе трактаты, такъ что, безъ всякаго предубѣждения, надобно сознаться, ни одинъ народъ не прилагалъ такихъ огромныхъ усилій къ обработкѣ роднаго языка, какъ арабы, и свидѣтелями тому служатъ ихъ словари (ихъ насчитываютъ едва-ли не околю трехъ сотъ); нѣкоторые изъ этихъ словарей носятъ названіе океановъ, каковы труды Джаугари и Фирузабади (+ 817 года геджры); авторъ послѣдняго получилъ отъ известнаго Тимура пять тысячъ золотыхъ монетъ за свой трудъ. Дальнѣйшія судьбы

---

¹⁾ Абу-Тайибъ Ахмедъ Мотенебби умеръ въ 354 году геджры. Пребываніе въ Сирійской пустынѣ, между кочующими арабами, конечно много содѣйствовало развитію этого таланта. Кромѣ многихъ своихъ произведений, онъ особенно известенъ своими «Сейфийя» панегириками въ честь хамданидскаго князя Сейфъ-еддоуле.

²⁾ Или Дуали, какъ говоритъ Ибнъ-Халеканъ, произвола это прилагательное отъ племени Дуаль, части рода Кевана.

арабскаго языка и арабской учености принадлежать уже къ области исторіи литературы этого народа, замѣчу, никогда не бывшаго рабскимъ подражателемъ въ дѣлѣ просвѣщенія: онъ усвоивалъ отъ классической Греціи лишь то, что казалось ему необходимымъ при самостоятельномъ развитіи, онъ отстоялъ свой языкъ отъ чуждой примѣси и обратилъ все вниманіе на изученіе философіи и точныхъ наукъ, но, къ несчастію, схоластика и знакомство съ александрійской школой повели большую часть арабскихъ, а за ними и персидскихъ писателей, къ мистицизму, чему, надобно сказать, много содѣйствовало и самое ученіе корана съ его туманными, загадочными фразами и аллегоріями, объясненіе которыхъ, по выраженію Мухаммеда, извѣстно только Богу, какъ сказано въ началѣ третьей сурь. Что Мухаммедъ разумѣлъ подъ этими словами—трудно рѣшить и я всего лучше приведу его собственную рѣчь. — «Богъ низпослалъ тебѣ, Мухаммедъ, книгу (говорить онъ); въ этой книгѣ содержатся умно-разположенные стихи; они и составляютъ сущность (въ подлинникѣ *магъ*) книги (корана), и другіе стихи, только похожіе на первые (т. е. стихи аллегорическіе)—потому—то тѣ люди, въ сердцахъ которыхъ замѣтно уклоненіе (отъ истины), послѣдуютъ аллегоріямъ изъ желанія раскола и изъ желанія толковать коранъ; но объясненіе его извѣстно лишь Богу.» Очевидно, Мухаммедъ, чувствовавшій шаткость своихъ положеній, часто противорѣчащихъ одно другому, хотѣлъ только этими словами преградить путь къ объясненію корана, но случилось въ послѣдствіи иначе: секты, которыя возникли въ исламизмѣ, въ соединеніи съ ученіемъ аллегорическимъ, не только преступили заповѣдь Мухаммеда, а даже учили, что въ коранѣ—все аллегорія и что самъ коранъ есть тѣло, которое можетъ обращаться по временамъ то въ человѣка, то въ животное, какъ выразился о томъ Джáхедъ, сектантъ, державшійся ученія Мотазалитовъ.—Отсюда уже не далеко былъ переходъ къ постушку Валида, 11-го халифа Омайядской династіи, который, услышавъ угрозы всякому гордому и упорному, общанныя кораномъ, началъ пускать стрѣлы въ эту книгу и говорилъ:

«Когда ты встрѣтишь своего Господа въ день общаго суда, то скажи ему: Господи, меня разорвалъ Валидъ!»

Я не могу опустить изъ вида, чтобы не сказать здѣсь нѣ-

несколько словъ объ отличительныхъ свойствахъ арабскаго языка. Определенность его формъ простирается до мельчайшихъ подробностей; слова въ своемъ производствѣ образуются легко при небольшихъ приставкахъ одной, двухъ или трехъ буквъ, что особенно замѣтно въ богатѣйшей его части—глаголѣ, или, какъ называютъ арабскіе грамматикѣ, дѣйствіи. Изъ трехъ буквъ, которыя болѣею частію составляютъ корень глагола, при известныхъ приставкахъ буквъ прибавочныхъ, равно какъ въ еврейскомъ и сирійскомъ языкахъ, формируются виды первоначальнаго дѣйствія: усиленный, страдательный, взаимный между двумя или многими лицами, словомъ, тѣ отгѣнки дѣйствія, для изображенія которыхъ въ грамматикахъ европейскихъ языковъ существуютъ отдѣльные залогѣ. Возьмемъ въ примѣръ какой-либо корень глагола изъ трехъ буквъ, потому что существуютъ корни изъ четырехъ, очень рѣдко изъ пяти буквъ—напр. буквы *к*, *т*, *б* съ гласнымъ звукомъ *а* для всѣхъ трехъ; образовавшійся отсюда глаголъ *ка́таба* значитъ *онъ писалъ* ⁽¹⁾. Если вторую коренную букву удвоить въ произношеніи, то полученный такимъ образомъ другой видъ глагола (*ка́ттаба*) уже будетъ переходящій вдвойнѣ и получаетъ значеніе *по-нужденію*—заставилъ кого-либо писать, училъ писать. Продолженный звукъ *д* при коренной буквѣ глагола (*ка́таба*) придаетъ этому глаголу значеніе *взаимной* переписки между двумя только лицами, если же къ этой послѣдней формѣ приложить сначала букву *т*, то явится значеніе *взаимной* переписки между многими лицами. Приложенный къ корню вначалѣ слогъ *иста* сообщаетъ глаголу значеніе *просьбы*, *чтобы известное дѣйствіе было исполнено*, слѣдовательно *иста́ктаба* будетъ означать: *онъ просилъ кого-нибудь написать*.

Во вторыхъ, дѣйствіе, выражаемое глаголомъ, часто не нуждается въ особенномъ словѣ для обозначенія времени этого дѣйствія: оба отношенія могутъ быть иногда высказаны въ самомъ глаголѣ. Такъ, глаголъ *ша́раба* означаетъ *имѣть что нибудь*, безъ означенія времени дѣйствія; тогда какъ *са́баха* значитъ *пить ут-ромъ*, *ка́ле* пить *въ полдень*, *а́баха* пить *вечеромъ*, отсюда произ-

¹⁾ Началомъ глагола въ арабскомъ языкѣ считается 3-е лице муж. рода прошедш. врем.

водныя существительныя *сабухъ* утреннее платье, *сабухъ* платье вечернее, *кайль* платье въ полдень.

Въ третьихъ, извѣстные глаголы могутъ быть употреблены при извѣстныхъ именахъ существительныхъ, наприм. глаголъ *ба-рака* палъ на колѣни, употребляется исключительно о верблюдѣ, когда вожакъ заставляетъ его стать на колѣни для принятія тяжести; то же дѣйствіе у другихъ животныхъ выражается глаголомъ *рбадза*, а объ сажащейся птицѣ говорится *джатсама*.

Въ четвертыхъ, дополненіе глагола не-рѣдко кроется въ самомъ глаголѣ. Напр. глаголъ *фа́рака* означаетъ *длѣть, разсѣчь*; тогда какъ глаголъ *ка́тта* значитъ *разсѣчь съ ширины*, а глаголъ *ка́дда* *разсѣчь* предметъ *одолъ*. *Ашака* любить—дѣйствіе усиленное, *хабба*—любить, но въ простомъ смыслѣ, безъ усиленія значенія глагола.

Для образованія именъ, производныхъ отъ глаголовъ, существуютъ извѣстныя общія формы, которыя чрезвычайно облегчаютъ изученіе этого отдѣла словъ. Есть формы для обозначенія мѣста и времени дѣйствія, формы для обозначенія орудія, сосуда или виѣстимлица чего-либо, формы для выраженія кратнаго отглагольнаго имени, формы для означенія изобилуванія какихъ-нибудь предметовъ. При образованіи множественнаго числа въ именахъ существительныхъ надобно замѣтить то обстоятельство, что кромѣ такъ называемаго правильнаго множественнаго существуютъ еще множественныя не-правильныя, даже множественныя, произведенныя отъ другихъ множественныхъ. Такъ слово *ардзъ* земля образуетъ множеств. правильное *ардзунъ* и неправильныя *ардзы, ара-дзатъ, арадзунъ, орудзъ* и *арадзъ*. Извѣстныя множественныя разныхъ формъ, но отъ одного и того же имени, часто разнятся отъ значенія выраженнаго въ числѣ единственномъ. Наприм. *аймъ* глазъ; его множественное *عیون* *оюнъ* означаетъ *глаза, источники*, а другое *ایمان* *абманъ* значитъ *избранныя люди; боятъ* дома и стихи, множеств. *бюютъ* дома, а въ другой формѣ *аблятъ* стихи. Сверхъ того есть множественныя, которыя ограничиваются пятью, десятью, тридцатью предметами и которыя нельзя употребить, какъ скоро дѣло идетъ о числѣ ббльшемъ.

Но эта значительная опредѣленность формъ съ другой сто-

решы преимуществу арабскому языку образовывать составныя слова, которыми такъ богаты языки индійской отрасли, какъ напр.: персидскій, имѣющій въ этомъ случаѣ преимущество предъ арабскимъ. Нѣтъ ничего въ персидскомъ языкѣ обыкновеннѣе выраженій: *анилолицый* (перируй), *городовозмутительница* (шехер-ашубъ, эпитетъ красоты), *мужеубійца* (мердъ-агянъ), *жемчужно-подобныя* (худри), *серебротѣлый* (симъ-тенъ) т. е. чья тѣло бѣлизною равняется серебру, *сеи-серъ* стройно-кипарисный, *аули-рафтартъ* хорошо идущій т. е. чья походка красива, *бадъ-най* вѣтроногий, говоря о конѣ.

Я долженъ перейти къ элементамъ арабскаго письма. Гезеніусъ (*Script. ling. Phoenic. mon.*), при изчисленіи письменъ, получившихъ начало отъ древнѣйшей финикійской азбуки, между прочимъ означаетъ два рода арабскихъ письменъ: одинъ древній или такъ называемое письмо химъярское (*моснадъ*), отъ котораго произошло эіопское (абиссинское) и другой, возникшій отъ сирійскаго эстрангело, почеркъ арабскій-куфическій, лавшій, въ свою очередь, начало нынѣшнему *меслм*. Гезеніусъ полагаетъ, что абиссинцы, по мнѣнію нѣкоторыхъ арабская колонія, приняли искусство письма не прямо отъ финикійца, а чрезъ посредство южно-арабскаго племени Химъяръ; но къ сожалѣнію мы не можемъ вполне удовлетворительно указать на образцы этой письменности и хотя путешественникомъ Зеетценомъ привезены снимки подобныхъ письменъ изъ Емена, однако М. А. Лянчи ясио доказалъ, что эти письма чисто-куфическія⁽¹⁾. Ученый Сильвестръ-де-Саси разсматривалъ существованіе этого почерка, какъ проблему⁽²⁾.— Съ другой стороны, очень вѣроятно мнѣніе Эд. Покока, что князья племени Химъяръ берегли «моснадъ», какъ святыню, и не позволяли другимъ пользоваться этимъ сокровищемъ иначе, какъ съ собственнаго разрѣшенія⁽³⁾; слѣдовательно, подобное письмо

¹⁾ *Trattato delle sepolcrali iscrizioni in Cufica tamurea e nischia littera... composto dal cavaliere M. A. Lanci. Lucca. 1840. pg. 188—192.*

²⁾ *Mémoires sur diverses antiquités de la Perse etc. Paris. 1793.*

³⁾ Cf. *Роскокіі, Spec. hist. Arab. pg. 155.* Библиографъ Хаджи-Хальфа приписываетъ даже изобрѣтеніе арабскихъ письменъ Химъяру сыну Саба, пятому преемнику Іоктана сына Бвер-

спорѣ можно бы назвать принадлежностью касты, высшаго сословія. Буквы моснада, надобно полагать, совершенно разошлись отъ куфическаго почерка и потому арабскіе авторы различаютъ эти двѣ письменности, хотя у позднѣйшихъ арабовъ почти всякая, непонятная для нихъ грамота, выраженная несвязанными буквами, слыла подъ именемъ химъярской. Уже во всемъ Еменѣ предъ началомъ исламизма, по словамъ біографа Ибнъ-Халлекана, не было никого, кто умѣлъ бы читать и писать (надобно думать по-химъярски или во всемъ Еменѣ, какъ предполагаетъ читать это мѣсто Сильвестръ-де-Саси). Однако здѣсь разходятся взгляды Гезевіуса и Сильвестра-де-Саси: первый думаетъ, что почеркъ моснада, во всемъ похожій на извѣстное абиссинское письмо, происходитъ отъ древне-финикійскаго и сообщенъ абиссинцамъ Химъяритами, касательно же обстоятельства, что буквы пишутся слѣва направо и что къ согласнымъ буквамъ присоединяются гласныя, то это будто бы заимствовано отъ грековъ послѣ времени Константина; напротивъ, не менѣе сильный авторитетъ въ подобномъ вопросѣ г. де-Саси положительно доказываетъ, будто изобрѣтатель эііопскаго алфавита подражалъ въ этомъ случаѣ алфавиту греческому, что можно сказать и объ языкѣ египетскомъ. Кирхеръ, цитированный у г. де-Саси, допускаетъ и еще мнѣніе, что письмо эііопское (а слѣдовательно и химъярское, если основываться на авторитетѣ де-Саси?) одолжено своимъ началомъ сирійскимъ проповѣдникамъ Евангелія и потому происходитъ отъ священнаго письма эстрангело. Я считалъ бы неполнѣ высказанными мнѣнія

ва въ Еменѣ, по словамъ Абульфеды (Abulfedae, *Histor. ante-islamica* ed. Fleischer. 1831. Lips). Это Кахтаново (Локтаново) племя, утвердившееся въ Еменѣ, собственно и слыло у мусульманскихъ писателей подъ именемъ арабъ-эль-ѳрибе «арабовъ природныхъ», которые, какъ видно, не разъ должны были входить въ непріязненные столкновения съ племенами Хеджаза и подчинялись владычеству абиссинцевъ. Впрочемъ, большая часть до исламическаго періода исторіи арабовъ лишена хронологіи и основывается на народныхъ преданіяхъ и повѣркахъ; этотъ мракъ мало-по-малу раасвѣивается предъ появленіемъ Мухаммеда. Приведенное здѣсь мѣсто Хаджи-Хальфы основывается на авторитетѣ Ибнъ-Гешама (+ 218 г. геджры).

о почеркѣ *mosnad*, если бы не присовокунилъ сюда, что въ трактатѣ Ахмеда сына Яхъи Еменскаго, названномъ »Цѣты въ отношеніи правъ чистыхъ имамова« находятся образцы химъярской грамоты, а равно и въ персидскомъ сочиненіи »Корабль океана«; но въ этомъ послѣднемъ уже совершенно другіе, не заслуживающіе вѣроятія. Какъ бы то ни-было, во всякомъ случаѣ нельзя допустить, чтобы арабы задолго до Мухаммеда оставались безъ письменности, а иначе, какъ понимать общій отзывъ арабскихъ писателей на счетъ культуры арабскаго языка, краснорѣчія и поэзіи? Трудюбивый и добросовѣстный библиографъ Хаджи-Хальфа (1) въ отдѣлѣ объ арабахъ выражается такъ: »Ихъ знанія, которыми они могли гордиться, заключались въ вѣдѣніи собственнаго языка, въ составленіи (низаніи) стиховъ и прозаическихъ отрывковъ, въ знаніи историческихъ разсказовъ, біографій и хронологіи. Хамедани говоритъ: не возможно знать ни одного историческаго сказанія объ арабахъ и персахъ, кромѣ какъ чрезъ арабовъ. Это потому (слова Хамедани), что кто проживалъ въ Меккѣ, тотъ пріобрѣталъ свѣдѣнія объ арабахъ чистыхъ (т. е. природныхъ) и о людяхъ книги (христіанахъ и евреяхъ). Вступая въ города для торговыхъ сношеній, такіе люди вмѣстѣ съ тѣмъ знакомились и съ разсказами о туземцахъ; такъ точно жившіе въ Гирѣ, въ сосѣдствѣ съ Персами, имѣли случай узнать исторію этого народа, сраженія племени Химъяръ и походы ихъ въ разные края. Жившіе въ Сиріи могли разсказывать о дѣяніяхъ Римлянъ, Израильтянъ и Грековъ (Іонанъ); кому же приводилось побывать въ Бахрейнѣ и Оманѣ, отъ такихъ людей шли разсказы о Сидѣ, Индостанѣ и Фарсѣ (вѣроятно, провинціи — у Флюгеля по его переводу *historiam Persarum*, мнѣ кажется ошибочно и должно быть исключительно отнесено къ провинціи Фарсу, а не къ цѣлой Персіи). Кто жилъ въ Еменѣ, тотъ узнавалъ разсказы о всѣхъ народахъ, находясь подъ тѣнью (подъ покровительствомъ) властителей блуждающихъ (вѣроятно, часто мѣнявшихся). Кромѣ

---

1) Hagi-Khalfa, Lex. bibl. et encycl. P. I. pg. 75, 76 по изданію Флюгеля, гдѣ, повидному, лучше читать *sakana*, вмѣсто напечатаннаго въ текстѣ: *sakanu*. سكانو въ выраженіи »*sakanu* ба-Меккетэ».

того, арабы были анатоками преданий и удерживали ихъ въ памяти; они имѣли свѣдѣнія о временахъ восхода и заката свѣтла, также о времени, когда одна звѣзда западаетъ, другая напротивъ восходитъ, о дождѣ, который онѣ приводятъ съ своимъ появленіемъ—потому что эти свѣдѣнія имъ были необходимы въ прижизненіи къ практической жизни, а не потому, чтобы арабы желали узнать истину и выискнуть въ науки. Что же касается до наукъ философскихъ, то Богъ не даровалъ имъ ничего изъ этой отрасли знаній и даже не приспособилъ ихъ наклонности къ заботѣ о томъ, кромѣ рѣдкихъ случаевъ. Хаджи-Хальфа повторилъ здѣсь только мысль Абу-ль-Фараджа¹⁾, но не разъяснилъ самаго дѣла касательно вопроса: какими же способомъ письменности удерживались въ памяти народа всѣ эти знанія? Посему Сильвестрѣде Саси предполагаетъ слабую степень разпространенія письменности только у жителей Хеджаза, а въ южной Аравіи, по его мнѣнію, надобно бы предположить существованіе двойкаго рода письменъ: геезъ или моснадъ (почеркъ эфиопскій, абиссинскій, ангарскій) и сурм (сирійскій), но употребленію той и другой азбуки уничтожилось вслѣдствіе разныхъ политическихъ переворотовъ: изгнанія Абиссинцевъ, владычества Персѣвъ, подчиненія Химьяридовъ чуждому господству, введенія исламизма и новаго почерка, освященнаго кораномъ, такъ что прежде высказанное нами мнѣніе арабскихъ писателей, будто въ Еменѣ, предъ началомъ мусульманства, не было никого, кто умѣлъ-бы читать и писать, можетъ быть пущено въ ходъ, съ нѣкоторымъ ограниченіемъ.

Все, сказанное доселѣ о почеркѣ моснадъ, приимается исключительно къ южной Аравіи. Въ Хеджазѣ и въ другихъ частяхъ полуострова этотъ почеркъ, во всей вѣроятности, не былъ распространенъ въ большомъ размѣрѣ, ограничиваясь извѣстными предѣлами, и скорѣе можно бы допустить вліяніе образованія смежной Сиріи и Палестины, что и оправдывается на самомъ дѣлѣ. Какъ древній Химьярскій алфавитъ былъ почеркомъ, какъ мы замѣтили, исключительно высшихъ сословій, письменомъ касты, такъ

---

¹⁾ Сл. Россковскій, Spec. hist. Arab. pg. 6. и примѣчанія къ этому мѣсту Эд. Покока.

точно сирийскій эстрангело переродился на сѣверѣ Аравіи въ общенародное письмо, которое, по причинѣ его усовершенствованія въ разныхъ городахъ, преимущественно въ Куфѣ, получило названіе *куфическаго*. И такъ, я беру на себя смѣлость думать, что почеркъ куфи нельзя считать новозобрѣтеніемъ; это, по моему мнѣнію, одна изъ отгѣвъ (*variété*) сирийскаго эстрангело, что оказывается достовѣрнымъ при сличеніи алфавитовъ древняго сирскаго и куфическаго; слѣдственно здѣсь введеніемъ письменности Аравія обязана христіанству, наравнѣ съ другими странами, куда проникалъ его спасительный свѣтъ. Самъ неграмотный сынъ Абдаллы, надобно думать, впоследствии выучился этому письму въ Сиріи, во время своихъ торговыхъ путешествій, при знакомствѣ съ христіанскими монахами. Трудность рѣшенія вопроса заключается здѣсь именно въ опредѣленіи эпохи, когда введено было сирийское письмо въ сѣверную Аравію, въ христіанское государство Гиру или въ римскую провинцію, часть Аравіи съ городомъ Бострой⁽¹⁾ и кто былъ его вводителемъ: отвѣтъ на этотъ вопросъ составляетъ чистую догадку, но во всякомъ случаѣ можно сказать, что около временъ Мухаммеда искусство письма было явленіемъ еще не довольно общимъ: писались, наприм., поэмы, призываемыя (*моаллака*) къ Меккскому храму для публичнаго чтенія, и почеркомъ, какъ думаетъ Сильвестръ де-Саси, меккскимъ⁽²⁾, основывалась на мнѣніи одного арабскаго автора; но такъ какъ этотъ почеркъ мало отличался отъ медискаго, а послѣдній былъ почти похожъ на почеркъ «суріи» (сирийскій), то мы вправѣ думать, что корайшиты писали почти-сирийскимъ эстрангело, который былъ введенъ у нихъ Бешаромъ и Харбомъ. Третій почеркъ, Бассорскій, составлялъ только отгѣну вышеупомянутыхъ двухъ почерковъ, а четвертый собственно — куфскій, куфическій (*куфй*) по преданію, уцѣлѣвшему отъ Ибнъ-Аббаса и принятому Хаджи-Хальфой (по изданію Флюгеля, т. III, стр. 145), одолженъ нача-

---

¹⁾ Де-Саси предполагаетъ здѣсь существованіе почерка, сходнаго съ пальмирскимъ.

²⁾ Письмо въ Мекку введено, по словамъ де-Саси, въ 560 году по Р. X. *Memoir. sur l'orig. et les anciens monum. de littérature parmi les Arabes. 1805. pg. 69.*

домъ тремъ лицамъ изъ фамилии Баулянъ, части племени Тай; эти трое, проживавшіе въ городѣ Авбарѣ, были: Мораръ (по другому, Морамеръ) — онъ далъ очертаніе буквамъ, второй Асламъ — онъ писалъ буквы одяѣ слитными, другія разъединенными, третій Амвръ придумалъ діакритическія точки и, такимъ образомъ, искусство письма разпространилось.а Асмаи, по Ибнъ-Халлекану въ биографіи Ибнъ-Бавваба, повторяетъ тоже, называя Морамера сыномъ Морры (или Марвы). — «Корайшитовъ спрашивали (говорить онъ) откуда они получили искусство письма? и они отвѣчали, что изъ города Гиры. Жители Гиры говорили, что имъ досталось это изобрѣтеніе изъ города Анбара. Ибнъ-Кельби и Гайтемъ сынъ Ади говорятъ, что письмо перенесено изъ Гиры въ Хеджавъ Харбомъ сыномъ Омайи, Корайшитомъ, который предпринималъ путешествіе въ Гиру и воротился въ Мекку съ письменами. Спрашивали Абу-Суфьяна сына Харба: откуда его отецъ получилъ искусство письма? и онъ отвѣчалъ, что отъ Аслама, а этотъ послѣдній говорилъ, что онъ выучился у самаго изобрѣтателя Морамера сына Морры. Почеркъ этотъ введенъ не задолго до исламизма». (1).

Принятый такимъ образомъ сирійскій почеркъ эстрагело (въ числѣ 22 буквъ) преобразился у арабовъ въ куфическій — названіе общее для всѣхъ почерковъ, предшествовавшихъ изобрѣтенію несхи, но исключительно относимое къ городу Куфѣ (основанному въ 17 году геджры) потому, что здѣсь онъ получилъ большее развитіе, тогда какъ другіе почерки были позабыты. Однако въ тѣхъ частяхъ Аравіи, которыя подчинились въ послѣдствіи господству персовъ, нельзя не допустить вліянія языка и письменности вѣка Сассанидовъ, что заставило, по видимому, сказать С. де-Саси, будто хотя и не осталось слѣдовъ подобной письменности у арабовъ, но если позволено догадываться, то можно предположить существованіе у нихъ почерка, мало удалявшагося отъ древняго алфавита, общаго большей части народовъ и уцѣлѣвшаго до нашихъ дней на памятникахъ финикійскихъ и пальмирскихъ, равно

1) Ibn-Challicani, Vitae illustrium virorum, ed. Ferd. Wüstenfeld. Gottingae. 1835. Fascicul, I. pg. 48.

какъ въ развалинахъ Накши-Рустама, Кирманшаха и на медаляхъ Сассанидовъ⁽¹⁾. Матеріалы, которые служили для письма, были очень разнообразны: даже, по рѣдкости папира или другаго рода бумаги (кыртасъ), писали на лопаткахъ и ребрахъ какого либо животнаго, на кожахъ, на пальмовыхъ листьяхъ, на тканяхъ, на широкихъ бѣлыхъ камняхъ, потому что бумага (замѣчаетъ Зейдъ сынъ Тсабета) не существовала въ то время и быть можетъ этотъ недостатокъ для отчетливой передачи изустнаго слова послужилъ главной причиною частыхъ и рѣзкихъ противорѣчій, встрѣчаемыхъ въ коранѣ, который, какъ извѣстно, окончательно былъ собранъ послѣ смерти Мухаммеда то изустно отъ свидѣтелей его дѣйствій и рѣчей, то письменно на равныхъ матеріалахъ для письма. Почеркъ куфи получилъ подѣ перомъ нѣкоторыхъ, поименованныхъ у Хаджи-Хальфы, каллиграфовъ⁽²⁾, довольно-красивыя очертанія: онъ употреблялся для списковъ корана, для поэмъ и для историческихъ сочиненій, но по медленности, съ какой сопряжено это письмо, требовалъ измѣненія. Во время Омайядовъ восточныхъ нѣкто Котба изобрѣлъ четыре почерка, производя ихъ другъ отъ друга. — Это былъ лучший каллиграфъ; послѣ него, при Аббасидахъ, особенно отличались: Дзаххакъ сынъ Иджлава и Исхакъ сынъ Хаммада при Мансурѣ и Мегди. Почерковъ куфическихъ насчитываютъ до двѣнадцати, но всѣ они большею частію вышли изъ употребленія при исправленіи письменъ визиремъ Ибнъ-Мокле, который считается вводителемъ новаго, болѣе удобнаго и легкаго почерка несхи.

Совершенная реформа въ почеркѣ куфи произведена упомянутымъ здѣсь визиремъ въ правленіе халифа Аббасидской династїи Радзы-билла. По нѣкоторымъ интригамъ своихъ противниковъ, Ибнъ-Мокле былъ приговоренъ къ отсѣченію правой руки,

---

¹⁾ S. de Sacy, Gram. Arabe sec. ed. 1831. P. I. pg. 6.

²⁾ Hagi Khalfae, Lexic. bibliog. et encycl. ed. G. Fluegel. 1842. T. 3. pg. 150. Наставникъ халифа Моктадера и сыновей его, Исхакъ сынъ Ибрагима изъ поколѣнія Тамимъ, прозванный Абу-ль-Хусейномъ, лучший каллиграфъ своего времени, составилъ даже трактатъ объ искусствѣ письма подѣ заглавіемъ: *«подарокъ любителя»* (тохфатъ-эль-уаимикъ).

как различается отъ. Дало Бюграъ Ибнъ-Халифанъ ⁽¹⁾; но какъ въ соображеніи бышаему автору, продолжать свои записки; отъ привязывалъ началъ къ отсѣченной рукѣ и такимъ образомъ писалъ довольно четко. Г. Флювелъ, переводчикъ творенія Хаджи-Хальфа, называетъ изобрѣтенный Ибнъ-Мокле почеркъ эхаттъ-эль-бедие, придала слову беди особенное, отличное значеніе, хотя здѣсь беди должно означать просто лосыи почеркъ, выраженіе, которое употребилъ Хаджи-Хальфа и для почерка, усовершенствованнаго въ послѣдствіи Ибнъ-Баввабомъ (умеръ 1022 г. по Р. К.). — «Если Ибнъ-Мокле (говоритъ Хаджи-Хальфа) былъ первымъ преобразователемъ этого почерка изъ письма кучическаго и далъ своему новоизобрѣтенію такую форму, заслуживъ преимущество первенства, при своемъ отличномъ искусствѣ письма, а то Ибнъ-Баввабъ улучшилъ изобрѣтенный Ибнъ-Мокле почеркъ, усовершенствовалъ его и *одѣлъ его сложностью и красотой*. Ибнъ-Баввабъ самъ былъ ученикомъ Мухаммеда-бей-Асада ⁽²⁾. Такимъ образомъ возникли почерки: тсулютъ, несхъ, тааликъ, рейханъ, мохаккакъ, рикда и искусными въ этихъ почеркахъ считаются Ибнъ-Мокле, Ибнъ-Баввабъ, Якутъ, Абдалла-Аргунъ, Абдалла-Сейрафи, Яхъя-Суфи, шейхъ-Ахмедъ-Сагарверди, Мобарекъ-шахъ-Союфи, Мобарекъ-шахъ-Котбединъ и Асадъ-алла-Кермани. Съ своей стороны я не буду разсматривать здѣсь почерковъ собственно — персидскихъ несталликъ и шехестъ, е. почерка *доманнаю*, который всего болѣе употребляется персіанами для скорописи; потому что трактатъ о почеркахъ вылезъ бы мнѣ за предѣлы настоящаго чтенія. Я долженъ только сказать, что чтеніе письменныхъ арабскихъ памятниковъ и манускриптовъ требуетъ довольно значительнаго навыка и знакомства съ азбукою; потому что гласные знаки, заставляющіе у арабовъ наши гласныя буквы, обыкновенно опускаются въ письмѣ и только смыслъ фразы можетъ указать: какъ должно быть прочитано *неизвѣстное слово*? Правильное чтеніе по-арабски, когда *одушены* гласные знаки, во *всѣхъ* случаяхъ предполагаетъ

¹⁾ Бюграфа 708 по изданію Восточескаго.

²⁾ Haji-Khalfae, Lex. b. et enc. T. III. 1842. pg. 151.

достаточную степень знанія азыка въ занимающемся, и основательное изученіе грамматическихъ правилъ.

Восточные авторы, при изчисленіи ученыхъ или дипломатическихъ заслугъ какого-либо визира или другаго замѣчательнаго лица, даже правительственныхъ особъ, не опускаютъ случая упомянуть при этомъ и на счетъ почерка, какими они писали, если этотъ почеркъ былъ красивъ и отчетливъ. Подобное достоинство высоко цѣнилось въ «кятибахъ» или секретаряхъ при халифахъ и правительственныхъ лицахъ, наприм. изъ фамиліи Сельджуковъ. Такъ біографъ Ибнъ-Халлеканъ говоритъ о «кятибѣ» писцѣ или секретарѣ при сельджукомъ султанѣ Малекшахѣ, именно Абу-Доррѣ Якутѣ сынѣ Абдаллы. «Красивый почеркъ его (говоритъ Ибнъ-Халлеканъ) разошелся по свѣту, такъ что при концѣ жизни Якута не было никого, кто приблизительно могъ-бы равняться съ нимъ въ красотѣ почерка, ни даже Ибнъ-Бавзабъ, не смогла на все свое превосходство. Онъ любилъ переписывать словарь Джаугари, Сихахъ, и каждый, переписанный Якутомъ, отдѣлъ продавался по сту червоновыхъ. Слава объ Якутѣ прошла по свѣту и одинъ Багдадскій поэтъ воспѣлъ его искусство въ своей касидѣ.» Тѣже самыя похвалы красивому почерку находятся и у персидскихъ авторовъ, какъ наприм. у біографа Доулетъ-шаха-Гази-Самарканди, который, излагая біографію извѣстнаго поэта Шемседдина-Мухаммеда-Хѣфиза, упоминаетъ о цѣнителѣ его таланта султанѣ Ахмедѣ, потомкѣ шейха Увейса Джелайрида. — По словамъ Доулетъ-шаха, это былъ государь съ большими талантами и покровитель талантовъ; онъ писалъ арабскіе и персидскіе стихи; отличался способностію къ живописи, умѣлъ хорошо золотить разныя вещи, выдѣлывать луки, стрѣлы, кольца и проч. и въ добавокъ ко всему писалъ шестью почерками ⁽¹⁾.

Новость предмета и желаніе сблизить съ нимъ рѣшившихся посвятить себя благородному труду быть можетъ увлекли меня за предѣлы настоящей бесѣды; но я надѣюсь, что короткія, высказанныя здѣсь, замѣчанія сколько-нибудь ознакомятъ съ той цѣлью, которая предположена мною при началѣ занятій словесностію

---

¹⁾ Доулетшаха, *Тезкиреть-эшшоара*. Біографіа Шемседдина-Мухаммеда-Хѣфиза.

арабовъ; а именно: дать понятіе о всей обширности арабской литературы и высокомъ умственномъ развитіи арабской націи, представить то обиліе матеріаловъ, которое ожидается не только богослова или историка—филолога, но даже специалиста—математика, юриста, медика, естествоиспытателя,—потому что не было той отрасли вѣдѣній, которой не касались—бы арабскіе писатели, хотя отчасти, гдѣ не было—бы какого—нибудь имени, которое перешло къ какому—нибудь потомству вѣстѣ съ новой, высказанной мыслью, или изобрѣтеніемъ или усовершенствованіемъ того, что завѣщала намъ греко—римская наука. Не буду говорить объ удовольствіи, которымъ сопровождается всякое новое знакомство съ народомъ, чуждымъ для насъ и по своимъ возрѣваніямъ на жизнь и по убѣжденіямъ религиознымъ — это удовольствіе понятно, когда уже преодоленъ первоначальный, сухой трудъ механической стороны языка; однако оригинальность арабскаго слова много способствуетъ здѣсь къ уничтоженію предполагаемой (по крайней мѣрѣ со стороны нѣкоторыхъ) трудности усвоить то обиліе словъ, ту своеобразную постройку рѣчи, которая отличаютъ арабскій языкъ. — »Вообще изученію языковъ на первыхъ порахъ, какъ говоритъ Валькенеръ ⁽¹⁾, скучно и неблагоугодно, но когда усиленный трудъ и благородные порывы успѣютъ устранить первыя затрудненія, то, въ послѣдствіи, мы испытываемъ полное наслажденіе при знакомствѣ съ священными памятниками древности». Мысль Валькенера найдетъ себѣ пригнѣніе и относительно арабскаго языка; но я снова долженъ повторить, что особенности, которыми отличается арабская рѣчь, не утомляютъ, а только болѣе поддерживаютъ любопытство и энергію начинающихъ.

И. Холмогоровъ.

---

¹⁾ Studium linguarum, in universum, in ipsis primordiis triste est et ingratum; sed, primis difficultatibus labore improbo et ardore nobili perruptis, postea ubi sanctissima antiquitatis monumenta versare licet, cumulatissimè beamur. Walckenaer. apud S. de Sac. Gram. Ar. 2-e ed. 1831.